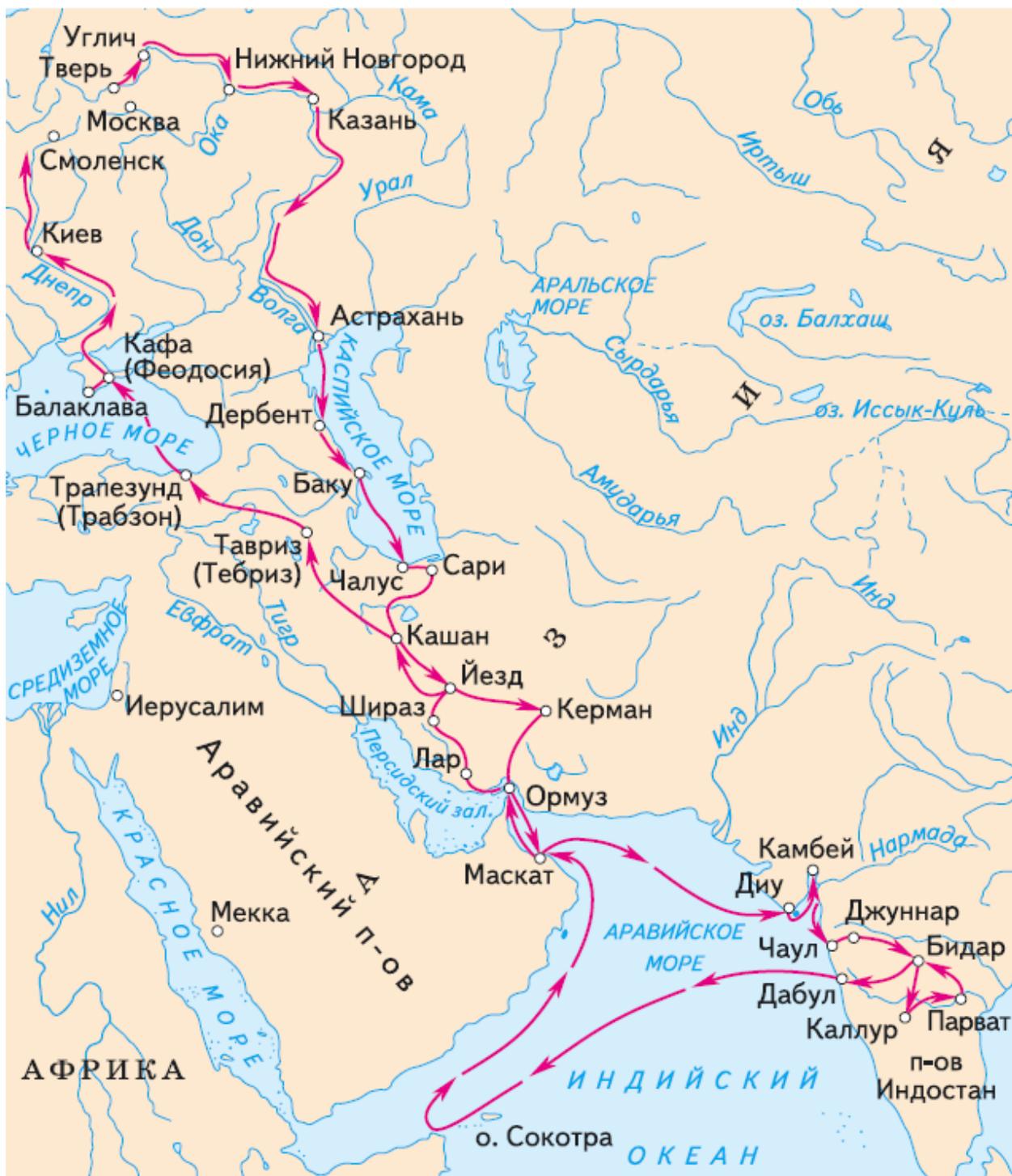

Хождение за три моря

Афанасий Никитин

← Маршрут путешествия Афанасия сына Никитина в 1466—1474 гг.

1 В лѣто 6983 <...>. Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, [1] что былъ в Ындѣе 4 годы, [2] а ходил, сказывает, с Васильемъ Папинымъ. Азъ же опытах, коли

В год 6983 (1475) (...). В том же году получил записи Афанасия, купца тверского, был он в Индии четыре года, а пишет, что отправился в путь с Василием Папинымъ. Я же расспрашивал, когда Василий

	<p>Василей ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды, коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили.[3] Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают что, деи, Смоленска не дошед, умерь.[4] А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетради привезли гости к Мамыреву Василью,[5] к дьяку к великого князя на Москву.</p>	<p>Папин послан был с кречетами послом от великого князя, и сказали мне — за год до Казанского похода вернулся он из Орды, а погиб под Казанью, стрелой простреленный, когда князь Юрий на Казань ходил. В записях же не нашел, в каком году Афанасий пошел или в каком году вернулся из Индии и умер, а говорят, что умер, до Смоленска не дойдя. А записи он своей рукой писал, и те тетради с его записями привезли купцы в Москву Василию Мамыреву, дьяку великого князя.</p>
<p>[1] Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца... — Запись эта, относящаяся к 1474–1475 гг., скорее всего принадлежит составителю независимого летописного свода 80-х гг. XV в.</p> <p>[2] ...в Ындѣе 4 годы... — Афанасий Никитин пробыл в Индии, как мы можем полагать, с середины 1471 до начала 1474 г.; см. приведенные далее известия индийских хроник о времени взятия городов, упоминаемых Никитиным, и указания на соотношения между датами русского календаря и мусульманского лунного календаря.</p> <p>[3] ...коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его под Казанью застрелили. — Речь идет, очевидно, о походе на Казань русских войск под предводительством брата Ивана III князя Юрия Васильевича Дмитровского, закончившемся в сентябре 6978 (1469) г.; вне комментируемого памятника сведений о после Ивана III в Ширван Василии Папине нет.</p> <p>[4] ...Смоленска не дошед, умерь. — Смоленск до 1514 г. входил в состав Литовского государства.</p> <p>[5] Василий Мамырев (1430–1490) — великокняжеский дьяк, оставленный Иваном III вместе с И. Ю. Рязполовским в Москве во время нашествия хана Ахмата в 1480 г. и руководивший в 1485 г. строительством укреплений во Владимире.</p>		
2	<p><i>За молитву святыхъ отецъ наших, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, раба своего грѣшнаго Афонася Микитина сына.</i>[6]</p>	<p>За молитву святых отцов наших, Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, раба своего грешного Афанасия Никитина сына.</p>
<p>[6] За молитву... Афонася Микитина сына. — Отчество («фамилия») автора «Хождения за три моря» упоминается только в начальной фразе памятника, восполненной в издании по Троицкому списку (в летописном изводе ее нет).</p>		
3	<p>Се написах свое грѣшное хождение за три моря: 1-е море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа;[7] 2-е море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа,[8] 3-е море Черное, дориа Стебольская.[9]</p>	<p>Записал я здесь про свое грешное хождение за три моря: первое море — Дербентское, дарья Хвалисская, второе море — Индийское, дарья Гундустанская, третье море — Черное, дарья Стамбульская.</p>
<p>[7] ...море Дербеньское, дориа Хвалитьскаа... — Каспийское море; дарья (перс.) — море.</p>		

	<p>[8] ...море Индѣйское, дорѣя Гундустанскаа... — Индийский океан.</p> <p>[9] ...дория Стебольшкая. — Черное море именуется также Стебольшким (Стамбульским) по греческому народному и турецкому названию Константинополя — Истимполи, Стамбул.</p>	
4	<p>Поидох от Спаса святого златоверхаго[10] и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича[11] Тверскаго, и от владыкы Геннадия[12] Тверскаго, и Бориса Захарыча.[13]</p>	<p>Пошел я от Спаса святого златоверхого с его милостью, от государя своего великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, от владыки Геннадия Тверскаго и от Бориса Захарыча.</p>
	<p>[10] ...от Спаса святого златоверхаго... — Главный собор Твери (XII в.), по которому и Тверская земля именовалась часто «домом святого Спаса».</p> <p>[11] Михаил Борисович — великий князь тверской в 1461 — 1485 гг.</p> <p>[12] Владыка Геннадий — епископ тверской в 1461 — 1477 гг., бывший московский боярин Геннадий Кожан.</p> <p>[13] Борис Захарыч — воевода, возглавлявший тверские войска, помогавшие Василию Темному в борьбе с его противником Дмитрием Шемякой, представитель рода Бороздиных, перешедших впоследствии на московскую службу.</p>	
5	<p>И поидох вниз Волгою. И приидох в манастырь Колязин ко святѣй Троицы живоначалной и къ святым мучеником Борису и Глѣбу.[14] И у игумена ся благословив у Макария и у святыа братии. И ис Колязина поидох на Углеч,[15] и с Углеча отпустили мя доброволно. И оттуду поидох, с Углеча, и приѣхаль есми на Кострому ко князю Александру[16] с ыною грамотою великаго князя. И отпустил мя доброволно. И на Плесо приѣхая есми доброволно.</p>	<p>Пошлыл я вниз Волгою. И пришел в монастырь калязинский к святой Троице живоначалной и святым мученикам Борису и Глебу. И у игумена Макария и святой братии получил благословение. Из Калягина шлыл до Углича, и из Углича отпустили меня без препятствий. И, отшлыв из Углича, приехал в Кострому и пришел к князю Александру с другой грамотой великаго князя. И отпустил меня без препятствий. И в Плес приехал без препятствий.</p>
	<p>[14] ...монастырь Колязин ко святѣй Троицы... Борису и Глѣбу. — Троицкий монастырь в тверском городе Калязине на Волге был основан игуменом Макарием, упоминаемым у Никитина; церковь Бориса и Глеба находилась в Макарьевском Троицком монастыре.</p> <p>[15] ...на Углеч... — Углич — город и удел великаго княжества московскаго.</p> <p>[16] ...приѣхаль... на Кострому ко князю Александру... — Кострома на Волге входила в число непосредственных владений великаго князя московскаго.</p>	
6	<p>И приѣхал есми в Новгород в Нижней[17] к Михайло х Киселеву, к <i>намѣстнику</i>, и к пошлиннику к</p>	<p>И приехал я в Нижний Новгород к Михайлу Киселеву, наместнику, и к пошленнику Ивану Сараеву, и</p>

	<p>Бѣвану к Сараеву, и они мя отпустили доброволно. А Василей Папин проѣхал мимо город двѣ недѣли,[18] и яз ждал в Новѣгородѣ в Нижнем две недѣли посла татарскаго ширваншина[19] Асанбега а ѣхал с кречаты от великаго князя Ивана, а кречатов у него девяносто.</p>	<p>отпустили они меня без препятствий. А Василий Папин, однако, город уже проехал, и я в Нижнем Новгороде две недели ждал Хасан-бека, посла ширваншаха татарскаго. А ехал он с кречетами от великаго князя Ивана, и кречетов у него было девяносто.</p>
	<p>[17] ...в Новгород в Нижней... — Нижний Новгород с 1392 г. входил в состав владений великаго князя московскаго; наместник Михаил Киселев — видимо, отец Ф. М. Киселева, получившаго жалованную грамоту Ивана III до 1485 г.</p> <p>[18] ... двѣ недѣли... — Очевидно, ошибка переписчика; эти слова (в Троицкой редакции их нет) повторяются далее в той же фразе.</p> <p>[19] ...ширваншина... — Ширваншах Фаррух Ясар правил в Ширванском государстве в 1462—1500 гг.</p>	
7	<p>И приѣхал есмь с ними на низ Волгою. И Казань есмь проѣхали доброволно, не видали никого, и Орду есмь проѣхали, и <i>Усланъ</i>, и Сарай, и <i>Берекезаны</i> есмь проѣхали. И въѣхали есмь в Бузанъ. Ту наѣхали на нас три татарины поганые и сказали нам лживые вѣсти: «Кайсым салтан[20] стережет гостей в Бузани, а с ним три тысячи татар». И посол ширваншин Асанбѣгъ дал имъ по однорятке да по полотну, чтобы провели мимо Хазтарахан. А оны, поганые татарове, по однорятке взяли, да вѣсть дали в Хазтараханъ царю. И яз свое судно покинул да полѣз есмь на судно на послово и с товарищи своими.</p>	<p>Поплыл я с ними вниз по Волге. Казань прошли без препятствий, не видали никого, и Орду, и Услан, и Сарай, и Берекезан проплыли и вошли в Бузан. И тут встретили нас три татарина неверных да ложную вѣсть нам передали: «Султан Касим подстерегает купцов на Бузани, а с ним три тысячи татар». Посол ширваншаха Хасан-бек дал им по кафтану-однорядке и по штуке полотна, чтобы провели нас мимо Астрахани. А они, неверные татары, по однорядке-то взяли, да в Астрахань царю вѣсть подали. А я с товарищами свое судно покинул, перешел на посольское судно.</p>
	<p>[20] ...Кайсымъ салтан... — Хан Касим, второй по времени правитель Астраханскаго ханства.</p>	
8	<p>Поѣхали есмь мимо Хазтарахан, а мѣсяць свѣтит, и царь нас видел, и татарове к нам кликали: «Качма, не бѣгайте!» А мы того не слышали ничего, а бежали есмь парусом. По нашим грехом царь послал за нами всю свою орду. Ини нас постигли на</p>	<p>Пльвем мы мимо Астрахани, а мѣсяць светит, и царь нас увидел, и татары нам кричали: «Качма — не бегите!» А мы этого ничего не слышали и бежим себе под парусом. За грехи наши послал царь за нами всех своих людей. Настигли они нас на Богуне и начали в нас стрелять. У</p>

	<p>Богунѣ и учили нас стреляти. И у нас застрелили человекѣ, а у них дву татаринов застрѣлили. И судно наше <i>меньшее</i> стало на ѣзу,[21] и они нас взяли да того часу разграбили, а моя была мѣлкая рухлядь вся в меншем судне.</p>	<p>нас застрелили человека, и мы у них двух татар застрелили. А меньшее наше судно у еза застряло, и они его тут же взяли да разграбили, а моя вся поклажа была на том судне.</p>
	<p>[21] ...на ѣзу... – Ез (закол) – деревянное ограждение на реке для рыбной ловли.</p>	
9	<p>А в болшом суднѣ есмѣ дошли до моря, ино стало на усть Волги на мели, и они нас туто взяли, да судно есмѣ взад велѣли тянути вверхъ до ѣзу. И тут судно наше <i>болшее</i> пограбили и четыре головы взяли рускые, а нас отпустили голыми головами за море, а вверхъ нас не пропустили вѣсти дѣля.</p>	<p>Дошли мы до моря на болшом судне, да стало оно на мели в устье Волги, и тут они нас настигли и велели судно тянуть вверх по реке до еза. И судно наше болшее тут пограбили и четыре человека русских в плен взяли, а нас отпустили голыми головами за море, а назад, вверх по реке, не пропустили, чтобы вести не подали.</p>
10	<p>И пошли есмѣ в Дербентъ, заплакавши, двема суды: в одном судне посол Асанбѣг, да тезики,[22] да русаков нас десеть головами; а в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормъ нашъ. А вѣстала фуртовина на море, да судно меньшее разбило о берег. А ту естъ городок Тархи, а люди вышли на берегъ, и пришли кайтакы[23] да людей поимали всѣх.</p>	<p>И пошли мы, заплакав, на двух судах в Дербент: в одном судне посол Хасан-бек, да тезики, да нас, русских, десять человек; а в другом судне – шесть москвичей, да шесть тверичей, да коровы, да корм наш. И поднялась на море буря, и судно меньшее разбило о берег. И тут стоит городок Тарки, и вышли люди на берег, да пришли кайтаки и всех взяли в плен.</p>
	<p>[22] ...тезики... – Так обычно называли купцов из Ирана.</p> <p>[23] ...кайтакы... – Кайтак – горная область в Дагестане.</p>	
11	<p>И пришли есмѣ в Дербентъ, и ту Василей поздорову пришел, а мы пограблены. И <i>билъ есми</i> челом Василию Папину да послу ширваншину Асанбѣгу, что есмѣ с <i>нимъ</i> пришли, чтобы ся печаловал о людех, что их поимали под Тархи кайтаки. И Асанбѣг печаловался и</p>	<p>И пришли мы в Дербент, и Василий благополучно туда пришел, а мы ограблены. И я бил челом Василию Папину и послу ширваншаха Хасан-беку, с которым мы пришли, – чтоб похлопотал о людях, которых кайтаки под Тарками захватили. И Хасан-бек ездил на гору к Булат-беку просить. И Булат-бек послал</p>

	<p>ѣздил на гору къ Булатубегу. И Булатбегъ послал скорохода ко <i>ширваншибе</i>гу, что: «господине, судно руское розбило под Тархи, и кайтаки, пришед, люди поимали, а товар их розграбили».</p>	<p>скорохода к ширваншаху передать: «Господин! Судно русское разбилось под Тарками, а кайтаки, придя, людей в плен взяли, а товар их разграбили».</p>
12	<p>И ширваншабегъ того же часа послал посла к шурина своему Алиль-бегу, кайтачевскому князю, что: «судно <i>мое</i> разбило под Тархи, и твои люди, пришед, людей поимали, а товаръ их пограбили; и ты чтобы, меня дѣля, люди ко мнѣ прислал и товар их собрал, занже тѣ люди посланы на мое имя. А что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли, и яз тебѣ, своему брату, не бороню. А тѣ люди пошли на мое имя, и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно, меня дѣля». И Алильбегъ того часа люди отслал всѣх в Дербентъ доброволно, а из Дербенту послали их к ширванши в ѣрду его, коитуль.</p>	<p>И ширваншах послал тотчас посла к шурина своему, князю кайтаков Халил-беку: «Судно мое разбилось под Тарками, и твои люди, придя, людей с него захватили, а товар их разграбили; и ты, меня ради, людей ко мне пришли и товар их собери, потому что те люди посланы ко мне. А что тебе от меня нужно будет, и ты ко мне присылай, и я тебе, брату своему, ни в чем перечить не стану. А те люди ко мне шли, и ты, меня ради, отпусти их ко мне без препятствий». И Халил-бек всех людей отпустил в Дербент тотчас без препятствий, а из Дербента отослали их к ширваншаху в ставку его — койтул.</p>
13	<p>А мы поехали к ширванше во и коитуль и били есмь ему челом, чтобы нас пожаловалъ, чѣм дойти до Руси. И он намъ не дал ничего, ано нас много. И мы, заплакавъ, да разошлись кои куды: у кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь; а кой должен, а тот пошел куды его очи понесли. А иные остались в Шамахѣе, а иные пошли работать к Бакѣ.</p>	<p>Поехали мы к ширваншаху в ставку его и били ему челом, чтоб нас пожаловал, чем дойти до Руси. И не дал он нам ничего: дескать, много нас. И разошлись мы, заплакавъ, кто куда: у кого что осталось на Руси, тот пошел на Русь, а кто был должен, тот пошел куда глаза глядят. А иные остались в Шемахе, иные же пошли в Баку работать.</p>
14	<p>А яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы,[24] а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару.</p>	<p>А я пошел в Дербент, а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошел за море — в Чапакур.</p>
	<p>[24] ...к Бакѣ, гдѣ огонь горить неугасимы... — Вероятно, речь идет о пламени в местах выхода нефти или о храме огнепоклонников.</p>	

15	<p>Да тутъ есми жил в Чебокарѣ 6 мѣсяць, да в Сарѣ жил мѣсяць, в Маздраньской земли. А оттуды ко Амили, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А оттуды к Димованту, а из Димованту ко Рею. А ту убили Шаусеня,[25] Алеевых детей и внучать Махметевых, и онъ их проклялъ, ино 70 городовъ ся розвалило.</p>	<p>И прожил я в Чапакуре шесть месяцев, да в Сари жил месяц, в Мазандаранской земле. А оттуда пошел к Амолю и жил тут месяц. А оттуда пошел к Демавенду, а из Демавенда — к Рею. Тут убили шаха Хусейна, из детей Али, внуков Мухаммеда, и пало на убийц проклятие Мухаммеда — семьдесят городов разрушилось.</p>
	<p>[25] А ту убили Шаусеня... — В дни памяти имама Хусейна (погиб в Месопотамии в VII в.) участники процессии восклицают: «Шахсей! Вахсей!» (Шах Хусейн! Вах Хусейн!); эти дни отмечаются шиитами в начале года по мусульманскому лунному календарю (в 1469 г. ошур байрам приходился на конец июня — начало июля). Запустение округа Рея связано с войнами XIII в.</p>	
16	<p>А из Дрѣя к Кашени, и тутъ есми был мѣсяць, а из Кашени к Наину, а из Наина ко Ездѣи, и тутъ жилъ есми мѣсяць. А из Диесъ къ Сырчану, а изъ Сырчана къ Тарому, а фуники кормятъ животину, батманъ по 4 алтыны.[26] А изъ Торома к Лару, а изъ Лара к Бендерю, и тутъ есть пристанище Гурмызское. И тутъ есть море Индѣйское, а парьсѣйскимъ языкомъ и Гондустаньскаа дория; и оттуды ити моремъ до Гурмыза 4 мили.</p>	<p>Из Рея пошел я к Кашану и жил тут месяц, а из Катана — к Наину, а из Наина к Йезду и тут жил месяц. А из Йезда пошел к Сирджану, а из Сирджана — к Тарому, домашний скот здесь кормят финиками, по четыре алтына продают батман фиников. А из Тарома пошел к Лару, а из Лара — к Бендеру — то пристань Ормузская. И тут море Индийское, по-персидски дарья Гундустанская; до Ормуза-града отсюда четыре мили идти.</p>
	<p>[26] ...батманъ по 4 алтыны... — Батман (перс.) — мера веса, достигавшая нескольких пудов; алтын — денежная счетная единица, заключавшая в себе шесть денег.</p>	
17	<p>А Гурмызь есть на островѣ, а ежедень поймаеть его море по двожды на день.[27] И тут есми взял первый Великъ день,[28] а пришел есми в Гурмыз за четыре недѣли до Велика дни. А то есми города не всѣ писал, много городов великих. А в Гурмызе есть солнце варно, человекъ сожжет. А в Гурмызе был есми мѣсяць, а из Гурмыза пошел есми за море Индѣйское по Велице дни в Радуницу,[29] в таву с конми.[30]</p>	<p>А Ормуз — на острове, и море наступает на него всякий день по два раза. Тут провел я первую Пасху, а пришел в Ормуз за четыре недели до Пасхи. И потому я города не все назвал, что много еще городов больших. Велик солнечный жар в Ормузе, человека сожжет. В Ормузе был я месяц, а из Ормуза после Пасхи в день Радуницы пошел я в таве с конями за море Индийское.</p>

	<p>[27] ...а ежедень поймаеть его море по двжды на день. — Морские приливы в Персидском заливе имеют полусуточный характер.</p> <p>[28] И тут есми взял первый Великъ день... — Из дальнейшего изложения следует, что в Ормузе Никитин отметил третью Пасху за пределами Руси. Возможно, путешественник хотел сказать, что это первый праздник, который он встретил, придя к Индийскому океану.</p> <p>[29] ...в Радуницу. — Радуница — девятый день после Пасхи.</p> <p>[30] ...в таву с конми. — Тава (маратск. даба) — парусное судно без верхней палубы. Массовый завоз лошадей в Индию осуществлялся для пополнения конницы и нужд местной знати в течение многих веков.</p>	
18	<p>И шли есмя морем до Мошката 10 дни; а от Мошката до Дѣгу 4 дни; а от Дѣга Кузряту; а от Кузрята Конбаату. А тут ся родит краска да лекъ.[31] А от Конбата к Чювилю, а от Чювиля есмя <i>пошли</i> въ 7-ую недѣлю по Велице дни, а шли в тавѣ есмя 6 недѣль морем до Чивиля.</p>	<p>И шли мы морем до Маската десять дней, а от Маската до Дега четыре дня, а от Дега до Гуджарата, а от Гуджарата до Камбея. Тут родится краска да лак. От Камбея поплыли к Чаулу, а из Чаула вышли в седьмую неделю после Пасхи, а морем шли шесть недель в таве до Чаула.</p>
	<p>[31] ...краска да лекъ. — Речь идет о синей краске индиго (ср. далее «да чинят краску нил») и приготовлении лака.</p>	
19	<p>И тут есть Индийская страна, и люди ходят всѣ наги, а голова не покрыта, а груди голы, а власы в одну косу заплетены, а всѣ ходят брюхаты, а дѣти роятся на всякий год, а детей у них много. А мужики и жонки всѣ нагы, а всѣ черны. Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуѣку. А князь ихъ — фота на головѣ, а другая на гузнѣ;[32] а бояре у них — фота на плещѣ, а другая на гузне, княини ходят фота на плещѣ обогнута, а другая на гузне. А слуги княжие и боярские — фота на гузне обогнута, да щит, да меч в руках, а иные с сулицами, а иные с ножи, а иные с саблями, а иные с луки и стрелами; а всѣ наги, да босы, да болкаты, а волосовъ не бреют. А жонки ходят голова не покрыта, а сосцы голы; а паропки да девочки</p>	<p>И тут Индийская страна, и люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, все ходят брюхаты, а дети роятся каждый год, а детей у них много. И мужчины, и женщины все нагие да все черные. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку. У тамошнего князя — фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних — фата через плечо, а другая на бедрах, а княгини ходят — фата через плечо перекинута, другая фата на бедрах. А у слуг княжеских и боярских одна фата на бедрах обернута, да щит, да меч в руках, иные с дротиками, другие с кинжалами, а иные с саблями, а другие с луками и стрелами; да все наги, да босы, да крепки, а волосы не бреют. А женщины ходят — голова не покрыта, а груди голы, а</p>

	<p>ходят наги до семи лѣт, сором не покрыт.</p>	<p>мальчики и девочки нагие ходят до семи лет, срам не прикрыт.</p>
	<p>[32] ...фота на головѣ, а другая на гузнѣ... — Путешественник говорит о чалме (перс. фота) и дхоти (инд.), которые, так же как и женская одежда сари, изготовлялись из неспитой ткани.</p>	
20	<p>А ис Чювиля сухом пошли есмь до Пали 8 дни, до индѣйскыя горы. А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город индѣйскый. А от Умри до Чюнеря 7 дни.</p>	<p>Из Чаула пошли посуху, шли до Пали восемь дней, до Индийских гор. А от Пали шли десять дней до Умри, то город индийскый. А от Умри семь дней пути до Джуннара.</p>
21	<p>Ту есть Асатхан Чюнерскыя индийскый, а холоп меликътучаровъ.[33] А держит, <i>сказываютъ</i>, семь темъ от меликъточара. А меликътучар сидит на 20 тмах; а бѣется с кафары[34] 20 лѣт есть, то его побивают, то он побивает ихъ многажды. Хан же Асѣ ѣздит на людех. А слонов у него много, а коней у него много добрых, а людей у него много хоросанцев.[35] А привозят ихъ из Хоросанские земли, а иные из Орапской земли, а иные ис Туркменские земли, а иные ис Чеботайские земли, а привозят все морем в тавах — индѣйские карабли.</p>	<p>Правит тут индийскый хан — Асадхан джуннарскый, а служит он мелик-ат-туджару. Войска ему дано от мелик-ат-туджара, говорят, семьдесят тысяч. А у мелик-ат-туджара под началом двести тысяч войска, и воует он с кафарами двадцать лет: и они его не раз побеждали, и он их много раз побеждал. Ездит же Асад-хан на людях. А слонов у него много, и коней у него много добрых, и воинов, хоросанцев, у него много. А коней привозят из Хорасанской земли, иных из Арабской земли, иных из Туркменской земли, иных из Чаготайской земли, а привозят их все морем в тавах — индийских кораблях.</p>
	<p>[33] ...Асатхан Чюнерскыя индийскый, а холоп меликътучаровъ. — Асадхан Джуннарскый, выходец из Гиляна, упоминается в индийских хрониках как лицо, близкое великому везиру, Махмуду Гавану, носившему титул мелик-аттуджар (повелитель купцов).</p> <p>[34] ...кафары... — Кафир (арабск.) — неверный, так сначала Никитин называл индусов, пользуясь термином, принятым среди мусульман; позднее он называл их «гундустанцы» и «индѣяны».</p> <p>[35] Хоросанцы — здесь и далее: мусульмане не индийского происхождения, выходцы из различных областей Азии.</p>	
22	<p>И яз грѣшный привезлъ жеребца в Ёндѣйскую землю, и дошелъ есмь до Чюнеря: Богъ далъ поздраву все, а стал ми во сто рублев. Зима же у них стала с Троицына дни.[36] А зимовали есмь в Чюнерѣ, жили есмь два мѣсяца.</p>	<p>И я, грешный, привез жеребца в Индийскую землю, и дошел с ним до Джуннара, с Божьей помощью, здоровым, и стал он мне во сто рублей. Зима у них началась с Троицына дня. Зимовал я в</p>

	<p>Ежедень и ночь 4 месяцы всюда вода да грязь. В тѣ же дни у них орют да сѣют пшеницу, да тутурган, да ногут, да все съѣстное. Вино же у них чинят в великих орѣхех — кози гундустанская;[37] а брагу чинят в татну.[38] Кони же кормят нофутом, да варят кичирисъ[39] с сахаром, да кормят кони, да с маслом, порану же дают имъ шешни.[40] В Ындѣйской же земли кони ся у них не родят, въ их землѣ родятся волы да буйволы, на тѣх же ѣздят и товар, <i>иное</i> возят, все дѣлают.</p>	<p>Джуннаре, жил тут два месяца. Каждый день и ночь — целых четыре месяца — всюду вода да грязь. В эти дни пашут у них и сеют пшеницу, да рис, да горох, да все съестное. Вино у них делают из больших орехов, кози гундустанские называются, а брагу — из татны. Коней тут кормят горохом, да варят кхичри с сахаром да с маслом, да кормят ими коней, а с утра дают шешни. В Индийской земле кони не водятся, в их земле рождаются быки да буйволы — на них ездят и товар и иное возят, все делают.</p>
	<p>[36] Зима же у них стала с Троицына дни. — Имеется в виду период муссонных ливней, длящийся в Индии с июня по сентябрь. Троица — пятидесятый день после Пасхи; приходится на май-июнь.</p> <p>[37] ...кози гундустанская... — Гоуз-и хинди (перс.) — кокосовые орехи.</p> <p>[38] ...в татну. — Речь идет о соке, добываемом из коры пальмиры.</p> <p>[39] ...да варят кичирисъ... — Кхичри — индийское блюдо из риса с приправами.</p> <p>[40] Шешни — по-видимому, зеленые листья дерева <i>Dalbegria sissor</i>, которые в Индии с древнейших времен употреблялись в качестве корма лошадей.</p>	
23	<p>Чюнерей же град есть на острову на каменом, не одѣланъ ничѣм, Богом сотворен. А ходят на гору день по одному человѣку: дорога тесна, а двема поити нелзѣ.</p>	<p>Джуннар-град стоит на скале каменной, не укреплен ничем, Богом огражден. И пути на ту гору день, ходят по одному человеку: дорога узка, двоим пройти нельзя.</p>
24	<p>В Ындѣйской земли гости ся ставят по подворьем, а ѣсти варят на гости господарыни, и постелю стелют на гости господарыни, и спят с гостми. Сикиш илиресен ду шитель бересин, сикиш илимесь екъ житель берсен, достур аврат чектур, а сикиш муфут; а любят бѣлых людей.</p>	<p>В Индийской земле купцов поселяют на подворьях. Варят гостям хозяйки, и постель стелют хозяйки, и спят с гостями. <i>Если имеешь с ней тесную связь, давай два жителя, если не имеешь тесной связи, даешь один житель. Много тут жен по правилу временного брака, и тогда тесная связь даром; а любят белых людей.</i></p>
25	<p>Зимѣ же у них ходит <i>люди</i> фота на гузнѣ, а другая по плечем, а третья на</p>	<p>Зимой у них простые люди ходят — фата на бедрах, другая на плечах, а</p>

	<p>головѣ; а князи и бояре толды на себя въздевают <i>порткы</i>, да сорочицу, да кафтан, да фота по плечем, да другою опояшет, а третьєю голову увертит. А се оло, оло абрь, оло акъ, олло керем, олло рагим!</p>	<p>третья на голове; а князя да бояре надевают тогда на себя порты, да сорочку, да кафтан, да фата на плечах, другой фатой себя опояшет, а третьей фатой голову обернет. <i>О Боже, Боже великий, Господь истинный, Бог великодушный, Бог милосердный!</i></p>
26	<p>А в том в Чюнерѣ ханъ у меня взял жеребца, а увѣдал, что яз не бесерменин — русинъ. И он молвит: «Жеребца дам да тысящу златых дам, а стань в вѣру нашу — в Махмет дени; а не станеш в вѣру нашу, в Махмат дени, и жеребца возму и тысячу златых на головѣ твоей возму». А срок учинил на четыре дни, в Оспожино говѣино на Спасов день.[41] И Господь Богъ смиловался на свой честный праздникъ, не оставил милости своеа от меня грѣшнаго и не велѣлъ погибнути в Чюнерѣ с нечестивыми. И канун Спасова дни приѣхал хозяйочи Махмет хорасанецъ, и бил есми ему челом, чтобы ся о мнѣ печаловал. И он ѣздил к хану в город да меня отпросил, чтобы мя в вѣру не поставили, да и жеребца моего у него взял. Таково осподарево чюдо на Спасовъ день. Ино, братие рустии християня, кто хошет пойти в Ындѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да воскликнув Махмета да пойти в Гундустанскую землю.</p>	<p>И в том Джуннаре хан отобрал у меня жеребца, когда узнал, что я не бесерменин, а русин. И он сказал: «И жеребца верну, и тысячу золотых впридачу дам, только перейди в веру нашу — в Мухаммеддини. А не перейдешь в веру нашу, в Мухаммеддини, и жеребца возьму, и тысячу золотых с твоей головы возьму». И срок назначил — четыре дня, на Спасов день, на Успенский по.ст. Да Господь Бог сжалился на свой честной праздник, не оставил меня, грешного, милостью своей, не дал погибнуть в Джуннаре среди неверных. Накануне Спасова дня приехал казначей Мухаммед, хорасанец, и я бил ему челом, чтобы он за меня хлопотал. И он ездил в город к Асад-хану и просил обо мне, чтобы меня в их веру не обращали, да и жеребца моего взял у хана обратно. Таково Господне чудо на Спасов день. А так, братья русские христиане, захочет кто идти в Индийскую землю — оставь веру свою на Руси, да, призвав Мухаммеда, иди в Гундустанскую землю.</p>
	<p>[41] ...в Оспожино говѣино на Спасов день. — Спасов день приходится на 6 августа; Успенский пост длится с 1 августа до Успенья; ...на Оспожин день... — Успенье, приходится на 15 августа.</p>	
27	<p>Мене залгали псы бесермены, а сказывали всего много нашего товара, ано нѣт ничего на нашу землю: все товаръ бѣлой на бесерменьскую землю, перец да краска, то и дешево. Ино возят ачеи морем, ини пошлины</p>	<p>Солгали мне псы бесермены, говорили, что много нашего товара, а для нашей земли нет ничего: все товар белый для бесерменской земли, перец да краска, то дешево. Те, кто возят волов за море, те</p>

	<p>не дают. <i>А люди иные намъ провести пошлины не дадут.</i> А пошлин много, а на море разбойников много. А разбивают все кафары, ни крестияне, не бесермене; а молятся каменным болваном, а Христа не знают, ни Махмета не знают.</p>	<p>пошлин не платят. А нам провезти товар без пошлины не дадут. А пошлин много, и на море разбойников много. Разбойничают кафары, не христиане они и не бесермены: молятся каменным болванам и ни Христа, ни Мухаммеда не знают.</p>
28	<p>А ис Чюнеря есмя вышли на Оспожин день к Бедерю, к большому их граду.[42] А шли есмя мѣсяць до Бедеря; а от Бедеря до Кулонкеря[43] 5 дни; а отъ Кулонгеря до Кольбергу 5 дни. Промежу тѣх великих градов много городов; на всяк день по три городы, а ино и по четыре городы; колко ковов,[44] толко градов. От Чювила до Чюнеря 20 ковов, а от Чюнеря до Бедеря 40 ковов, а от Бедеря до Кулонгеря 9 ковов, <i>а отъ Бедеря до Колубергу 9 ковов.</i></p>	<p>А из Джуннара вышли на Успенье и пошли к Бидару, главному их городу. Шли до Бидара месяц, а от Бидара до Кулонгири — пять дней и от Кулонгири до Гулбарги пять дней. Между этими большими городами много других городов, всякий день проходили по три города, а иной день по четыре города: сколько ковов — столько и городов. От Чаула до Джуннара двадцать ковов, а от Джуннара до Бидара сорок ковов, от Бидара же до Кулонгири девять ковов, и от Бидара до Гулбарги девять ковов.</p>
	<p>[42] ...к Бедерю, к большому их граду. — Бидар являлся в это время столицей Бахманидского султаната.</p> <p>[43] Кулонкерь, Кулонгерь... — Неясно, какой именно город имеет в виду А. Никитин.</p> <p>[44] ...колко ковов... — Ков (инд.) — мера длины, в среднем около десяти километров.</p>	
29	<p>В Бедере же торгъ на кони, на товар, да на камки,[45] да на шелкъ, на всей иной товар, да купити в нем <i>люди</i> черные; а иные в нем купли нѣт. Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощъ, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ.</p>	<p>В Бидаре на торгу продают коней, камку, шелк и всякий иной товар да рабов черных, а другого товара тут нет. Товар все гундустанский, а из съестного только овощи, а для Русской земли товара нет. А здесь люди все черные., все злодеи, а женки все гулящие, да колдуны, да тати, да обман, да яд, господ ядом морят.</p>
	<p>[45] Камка — цветная шелковая ткань, расшитая золотом, парча.</p>	

30	<p>В Ындѣйской земли княжат все хоросанцы, и бояре всѣ хоросанцы. А гундустанцы все пѣшеходы, а ходят перед хоросанцы на конех, а иные всѣ пѣши, ходять борзо, а все наги да боси, да щит в руцѣ, а в другой меч, а иные с луки великими с прямыми да стрелами. А бой их все слоны. Да пѣших пускают наперед, а хоросанцы на конех да в доспѣсах, и кони и сами. А к слоном вяжут к рылу да к зубом великие мечи по кентарю[46] кованых, да оболочат ихъ в доспѣхи булатные, да на них учинены городки, да в городкѣх по 12 человекъ в доспѣсах, да всѣ с пушками да с стрелами.</p>	<p>В Индийской земле княжат все хоросанцы, и бояре все хоросанцы. А гундустанцы все пешие и ходят перед хоросанцами, которые на конях; а остальные все пешие, ходят быстро, все наги да босы, в руке щит, в другой — меч, а иные с большими прямыми луками да со стрелами. Бой ведут все больше на слонах. Впереди идут пешие воины, за ними — хоросанцы в доспехах на конях, в доспехах и сами и кони. Слонам к голове и бивням привязывают большие кованые мечи, по кентарю весом, да облачают слонов в доспехи булатные, да на слонах сделаны башенки, и в тех башенках по двенадцать человек в доспехах, да все с пушками, да со стрелами.</p>
<p>[46] ...по кентарю... — Кантар (арабск.) — мера веса, превышавшая три пуда.</p>		
31	<p>Есть у них одно мѣсто, шихбѣ Алудин[47] пирѣ ятыр базар Алядинандѣ. На год единѣ базарѣ, съезжается вся страна Индийская торговати, да торгуют 10 дни; от Бедеря 12 ковов. Приводят кони, до 20 тысящ коней продавати, всякий товар свозят. В Гундустанской земли тѣй торгѣ лучший, всякий товар продают и купят на память шиха Аладина, а на русский на Покров святыя Богородица.[48] Есть в том Алянде[49] птица гукукъ, летает ночи, а кличет: «кукъ-кукъ», а на которой хоромине сидит, то тут человекъ умрет; и кто хошет еа убити, ино у ней изо рта огонь выйдет. А мамоны[50] ходят нощи, да имают куры, а живут в горѣ или в каменье. А обезьяны, то тѣ живут по лѣсу. А у них есть князь обезьяньскый, да ходит ратию своею. Да кто замает, и они ся жалуют князю своему, <i>и онѣ</i></p>	<p>Есть тут одно место — аланд, где шейх Алаеддин, святой, лежит и ярмарка. Раз в год на ту ярмарку съезжается торговать вся страна Индийская, торгуют тут десять дней; от Бидара двенадцать ковов. Приводят сюда коней — до двадцати тысяч коней — продавать, да всякий товар привозят. В Гундустанской земле эта ярмарка лучшая, всякий товар продают и покупают в дни памяти шейха Алаеддина, а по-нашему на Покров святой Богородицы. А еще есть в том Аланде птица гукук, летает ночью, кричит: «кук-кук»; а на чьем доме сядет, там человек умрет, а захочет кто ее убить, она на того огонь изо рта пускает. Мамоны ходят ночью да хватают кур, а живут они на холмах или среди скал. А обезьяны, те живут в лесу. Есть у них князь обезьяний, ходит с ратью своей. Если кто обезьян обидит, они жалуются своему князю, и он</p>

	<p><i>посылает на того свою рать, и оны, пришед на град, дворы развалиют и людей побьют. А рати их, сказывают, велми много, а язык у них есть свой. А детей родят много; да которой родится ни в отца, ни в мать, ини тѣх мечют по дорогам. Ины гундустанцы тѣх имают, да учат ихъ всякому рукодѣлию, а иных продают ночи, чтобы взад не знали бежать, а иных учат базы миканет.</i></p>	<p>посылает на обидчика свою рать, и они, к городу придя, дома разрушают и людей убивают. А рать обезьянья, сказывают, очень велика, и язык у них свой. Детеньшей родится у них много, и если который из них родится ни в мать, ни в отца, таких бросают на дорогах. Иные гундустанцы подбирают их да учат всяким ремеслам; а если продают, то ночью, чтобы они дорогу назад не могли найти, а иных учат <i>людей забавлять.</i></p>
	<p>[47] ...шихбъ Алудин... — Шейх Алаеддин, местный мусульманский святой.</p> <p>[48] ...а на русский на Покров святыя Богородица. — Покров приходится на 1 октября. Далее, однако, Никитин указывает, что дни памяти шейха Алаеддина отмечают через две недели после Покрова.</p> <p>[49] Есть в том Алянде... — Никитин передает местные поверья, отразившие культ совы (гхукук) и культ обезьяны.</p> <p>[50] Мамоны — здесь и далее: некрупный хищник.</p>	
32	<p>Весна же у них стала с <i>Покрова</i>[51] святыя Богородица. А празднують шигу Аладину, веснѣ две недѣли по Покровѣ, а празднуют 8 дни. А весну дръжат 3 мѣсяцы, а лѣто 3 мѣсяца, а зиму 3 мѣсяцы, а <i>осень 3 мѣсяца.</i></p>	<p>Весна у них началась с Покрова святой Богородицы. А празднуют память шейха Алаеддина и начало весны через две недели после Покрова; восемь дней длится праздник. А весна у них длится три месяца, и лето три месяца, и зима три месяца, и осень три месяца.</p>
	<p>[51] Весна же у них стала с Покрова... — Имеется в виду начало нового сезона в октябре после периода муссонных ливней.</p>	
33	<p><i>В Бедери</i> же их стол Гундустану бесерменьскому. А град есть великѣ, а людей много велми. А салтан невелик — 20 лѣт,[52] а держат бояре, а княжат хоросанцы, а воюют все хоросанцы.</p>	<p>Бидар — стольный город Гундустана бесерменского. Город большой, и людей в нем очень много. Султан молод, двадцати лет — бояре правят, а княжат хоросанцы и воюют все хоросанцы.</p>
	<p>[52] А салтан невелик — 20 лѣт... — В год приезда Никитина в Индию султану Мухаммеду III было семнадцать лет, в год отъезда — двадцать.</p>	
34	<p>Есть хоросанецъ меликтучар боярин,[53] ино у него двѣсте тысящ</p>	<p>Живет здесь боярин-хоросанец, мелик-ат-туджар, так у него двести</p>

	<p>рати своей, а у <i>Меликхана</i> 100 тысяч, а у <i>Фаратхана</i> 20 тысяч, а много тѣхъ ханоз по 10 тысящъ рати. А с салтаном выходят триста тысящъ рати своей.</p>	<p>тысяч своей рати, а у <i>Мелик-хана</i> сто тысяч, а у <i>Фарат-хана</i> двадцать тысяч, и у многих ханов по десять тысяч войска. А с султаном выходит триста тысяч войска его.</p>
	<p>[53] Есть хоросанецъ меликтучар боярин... — Так Никитин называет великого везира Махмуда Гавана, выходца из Гиляна.</p>	
35	<p>А земля людна велми, а <i>сельскыя люди голы велми, а бояре силны добръ</i> и пышны велми. А все их носят на кровати своей на серебряных, да пред ними водят кони в <i>снастех</i> золотых до 20; а на конех за ними 300 челоуѣкъ, а пѣших пятьсот челоуѣкъ, да трубников 10 челоуѣкъ, да <i>нагарниковъ</i> 10 челоуѣкъ, да свирѣльников 10 челоуѣкъ.</p>	<p>Земля многолюдна, да сельские люди очень бедны, а бояре власть большую имеют и очень богаты. Носят бояр на носилках серебряных, впереди коней ведут в золотой сбруе, до двадцати коней ведут, а за ними триста всадников, да пеших пятьсот воинов, да десять трубачей, да с барабанами десять человек, да дударей десять.</p>
36	<p>Салтан же выезжает на потѣху с матерью да з женою, ино с ним челоуѣкъ на конех 10 тысящъ, а пѣших пятьдесят тысящъ, а слонов выводят двѣсте, наряженных в доспѣсах золоченых, да пред ним трубников сто челоуѣкъ, да плясцов сто челоуѣкъ, да коней простых 300 в <i>снастех</i> золотых, да обезьян за ним сто, да блядей сто, а все гауроки.</p>	<p>А когда султан выезжает на прогулку с матерью да с женою, то за ним всадников десять тысяч следует да пеших пятьдесят тысяч, а слонов выводят двести, и все в золоченых доспехах, и перед ним — трубачей сто человек, да плясунов сто человек, да ведут триста коней верховых в золотой сбруе, да сто обезьян, да сто наложниц, гаурьки называются.</p>
37	<p>В салтанове же дворѣ семеры ворота, а в воротех сидит по сту сторожев да по сту писцов кафаров. Кто поидет, ини записывают, а кто выйдет, ини записывают. А гарипов не пускают въ град. А дворъ же его чюден велми, все на вырезе да на золоте, и послѣдний камень вырезан да золотом описан велми чюцно. Да во дворѣ у него суды розные.</p>	<p>Во дворец султана ведет семь ворот, а в воротах сидят по сто стражей да по сто писцов-кафаров. Одни записывают, кто во дворец идет, другие — кто выходит. А чужестранцев во дворец не пускают. А дворец султана очень красив, по стенам резьба да золото, последний камень — и тот в резьбе да золотом расписан очень красиво. Да во дворце у султана сосуды разные.</p>

38	<p>Город же Бедерь стерегут в нощи тысяща человекъ кутоваловых,[54] а ъздят на конех в доспѣсах, да у всѣх по свѣтычу.</p>	<p>По ночам город Бидар охраняет тысяща стражей под начальством куттавала, на конях и в доспехах, да в руках у каждого по факелу.</p>
<p>[54] ...тысяща человекъ кутоваловых... — Кутувал (перс.) — комендант крепости.</p>		
39	<p>А яз жеребца своего продал в Бедери. Да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов,[55] а кормил есми его год. В Бедери же змеи ходят по улицам, а длина еѣ двѣ сажени. Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ[56] ис Кулонгѣря, и продахъ жеребца своего о Рожествѣ.</p>	<p>Продаю я своего жеребца в Бидаре. Издержал на него шестьдесят осмь футунов, кормил его год. В Бидаре по улицам змеи ползают, длиной по две сажени. Вернулся я в Бидар из Кулонгири на Филиппов пост, а жеребца своего продал на Рождество.</p>
<p>[55] ...футунов... — Возможно, что Никитин так называет золотую монету фанам. [56] ...о заговейне о Филиповѣ... — Филиппов пост длится с 14 ноября до Рождества, которое приходится на 25 декабря.</p>		
40	<p>И тут бых до Великого заговейна[57] в Бедери и познася со многими индѣяны. И сказах имъ вѣру свою, что есми не бесерменинъ исаядениени есмь христианинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани.[58] И они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о ѣствѣ, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учили крыти.</p>	<p>И жил я здесь, в Бидаре, до Великого поста и со многими индусами познакомился. Открыл им веру свою, сказал, что не бесерменин я, а веры Иисусовой христианин, и имя мое Афанасий, а бесерменское имя — ходжа Юсуф Хорасани. И индусы не стали от меня ничего скрывать, ни о еде своей, ни о торговле, ни о молитвах, ни о иных вещах, и жен своих не стали в доме скрывать.</p>
<p>[57] ...до Великого заговейна... — Великий пост начинается за семь недель до Пасхи, т. е. в феврале — начале марта. [58] ...а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. — Обычай пользоваться восточными именами, созвучными христианским, был распространен среди европейцев, живших на Востоке. Хозя Юсуф Хоросани — ходжа (господин) Юсуф из Хорасана.</p>		
41	<p>Да о вѣрѣ же о их распытах все, и оны сказывают: вѣруемъ въ Адама, а буты,[59] кажутъ, то есть Адамъ и род его весь. А <i>вѣръ</i> въ Индѣи всѣх 80 и 4 вѣры, а все вѣруютъ в бута. А вѣра с вѣрою <i>ни</i> пиеть, ни ясть, ни женится.</p>	<p>Расспрашивал я их о вере, и они говорили мне: веруем в Адама, а буты, говорят, и есть Адам и весь род его. А всех вер в Индии осмьдесят и четыре веры, и все веруют в бута. А разных вер люди друг с другом не пьют, не едят, не</p>

	<p>А инья же боранину, да куры, да рыбу, да яйца ядят, а воловины не ядят никакаа вѣра.</p>	<p>женятся. Иные из них баранину, да кур, да рыбу, да яйца едят, но говядины никто не ест.</p>
	<p>[59] ...буты... – Бут (перс.) – идол, кумир; здесь: боги индийского пантеона.</p>	
42	<p>В Бедери же бых 4 мѣсяца и свѣщахся съ индѣяны поити к Первоти, то их Ерусалимъ, а по бесерменьский Мягкат, гдѣ их бутхана.[60] Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць. И торгу у бутъханы 5 дни. А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена, да рѣзаны по ней дѣяния бутовыя. Около ея всея 12 рѣзано вѣнцева, какъ бутъ чудеса творил, какъ ся имъ являлъ многыми образы: первое, человѣческимъ образомъ являлся; другое, человѣкъ, а носъ слоновъ; третье, человѣкъ, а виденье обезьянино; в четвертые, человѣкъ, а образом лютаго звѣря, а являся им <i>все съ хвостомъ</i>. А вырезан на камени, а хвостъ через него сажени.</p>	<p>Пробыл я в Бидаре четыре месяца и сговорился с индусами пойти в Парват, где у них бутхана – то их Иерусалим, то же, что для бесермен Мекка. Шел я с индусами до бутханы месяц. И у той бутханы ярмарка, пять дней длится. Велика бутхана, с пол-Твери, каменная, да вырезаны в камне деяния бута. Двенадцать венцов вырезано вкруг бутханы – как бут чудеса совершал, как являлся в разных образах: первый – в образе человека, второй – человек, но с хоботом слоновым, третий – человек, а лик обезьяний, четвертый – наполовину человек, наполовину лютый зверь, являлся все с хвостом. А вырезан на камне, а хвост с сажень, через него переброшен.</p>
	<p>[60] ...бутхана. – Бутханэ (перс.) – дом идола, кумирня.</p>	
43	<p>К бутхану же съезжается вся страна Индийская на чудо бутово.[61] Да у бутхана бреются старые и молодые, жонки и девочки. А бреют на себѣ всѣ волосы, — и бороды, и головы, и хвосты. Да поидут к бутхану. Да со всякие головы емлют по двѣ шешкѣни[62] пошлины на бута, а с коней по четыре футы. А съезжается к бутхану всѣх людей бысты азаръ лекъ[63] вах башет сат азаре лек.</p>	<p>На праздник бута съезжается к той бутхане вся страна Индийская. Да у бутханы бреются старые и молодые, женщины и девочки. А сбривают на себе все волосы, бреют и бороды, и головы. И идут к бутхане. С каждой головы берут по две шешкени для бута, а с коней – по четыре футы. А съезжается к бутхане всего людей <i>двадцать тысяч лакхов, а бывает время и сто тысяч лакхов.</i></p>
	<p>[61] ...на чудо бутово. – Здесь: ежегодный праздник в честь Шивы, отмечаемый в феврале-марте.</p>	
	<p>[62] ...по двѣ шешкѣни... – Шешкени – серебряная монета, шесть кени.</p>	
	<p>[63] ...лекъ... – Лакх (инд.) – сто тысяч.</p>	

44	<p>В бутхане же бут вырезан[64] ис камени ис черного, велми великъ, да хвостъ у него через него, да руку правую поднялъ высоко да простеръ еѣ, аки Устенеянь царь Цареградскый,[65] а в лѣвой руцѣ у него копие. А на нем нѣт ничего, а гузно у него обязано ширинкою, а видение обезьянино. А иные буты наги, нѣт ничего, кот ачюкъ, а жонки бутовы нагы вырѣзаны и с соромом, и з детми. А перед бутом же стоит воль велми велик, а вырѣзан ис камени[66] ис черного, а весь позолочен. А целуют его в хопыто, а сыплют на него цвѣты. <i>И на бута сыплют цвѣты.</i></p>	<p>В бутхане же бут вырезан из камня черного, огромный, да хвост его через него перекинут, а руку правую поднял высоко и простер, как Юстиниан, царь цареградский, а в левой руке у бута копье. На нем не надето ничего, только бедра повязкой обернуты, а лик обезьяний. А иные буты совсем нагие, ничего на них не надето, <i>срам не прикрыт</i>, и жены бутовы нагими вырезаны, со срамом и с детьми. А перед бутом — бык огромный, из черного камня вырезан и весь позолочен. И целуют его в копыто, и сыплют на него цветы. И на бута сыплют цветы.</p>
<p>[64] в бутхане же бут вырезан... — Здесь: статуя Шивы; его атрибуты: змей, обвивающий его тело (у Никитина — «хвост»), и трезубец.</p> <p>[65] ...аки Устенеянь царь Цареградскый... — Статуя в Константинополе Юстиниана I (527—565 гг.).</p> <p>[66] ...стоит воль велми велик, а вырѣзан ис камени... — Статуя быка Нанди, спутника Шивы.</p>		
45	<p>Индѣяне же не ѣдят никоторого же мяса, ни яловичины, ни боранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, а свиней же у них велми много. Ядят же в день двожды, а ночи не ядят, а вина не пьют, ни сыты.[67] А з бесермены ни пьютъ, ни ядят. А ѣства же ихъ плоха. А один с одним ни пьет, ни ѣсть, ни з женою. А ѣдят брынец, да кичири с маслом, да травы розные ядят, а варят с маслом да с молоком, а ѣдят все рукою правою, а лѣвою не примется ни за что. А ножа не дръжат, а лжицы не знают. А на дорозе кто же варит себѣ кашу, а у всякого по горнѣцу. А от бесермен крыются, чтоб не посмотрил ни в горнецъ, ни въ ѣству. А толко посмотрит, ино тое ѣствы не едят. А едят, покрываются платомъ, чтобы никто не виделъ его.</p>	<p>Индусы же не едят никакого мяса, ни говядины, ни баранины, ни курятины, ни рыбы, ни свинины, хотя свиней у них очень много. Едят же днем два раза, а ночью не едят, и ни вина, ни сыты не пьют. А с бесерменами не пьют, не едят. А еда у них плохая. И друг с другом не пьют, не едят, даже с женой. А едят они рис, да кхичри с маслом, да травы разные едят, да варят их с маслом да с молоком, а едят все правой рукой, а левою не берут ничего. Ножа и ложки не знают. А в пути, чтобы кашу варить, каждый носит котелок. А от бесермен отворачиваются: не посмотрел бы кто из них в котелок или на кушанье. А если посмотрит бесерменин, — ту еду не едят.</p>

		Потому едят, накрывшись платком, чтобы никто не видел.
	[67] ...сыты. — Сыта — медовый напиток.	
46	<p>А намаз же их на восток, по-русьски. Обе руки поднимают высоко, да кладут на тѣмя, да ложатся ниць на землѣ, да весь ся истягнет по земли, то их поклоны. А ѣсти же садятся, и оны омывают руки да ноги, да и рот пополаскивают. А бутханы же их без дверей, а ставлены на восток, а буты стоят на восток. А кто у них умрет, ини тѣх жгут да и попел сыплют на воду. А у жены дитя ся родит, ино бабит муж, а имя сыну дает отецъ, а мати дочери. А добровта у них нѣт, а сорома не знают. Пошел или пришелъ, ини ся кланяют по чернеческыи, обе руки до земли дотычют, а не говорит ничего.</p>	<p>А молятся они на восток, как русские. Обе руки подымут высоко да кладут на темя, да ложатся ниць на землю, весь вытянется на земле — то их поклоны. А есть садятся — руки обмывают, да ноги, да и рот полощут. Бутханы же их без дверей, обращены на восток, и буты стоят лицом на восток. А кто у них умрет, тех сжигают да попел сыплют в реку. А когда дитя родится, принимает муж, и имя сыну дает отец, а мать — дочери. Добронравия у них нет, и стыда не знают. А когда придет кто или уходит, кланяется по-монашески, обеими руками земли касается, и все молча.</p>
47	<p>К Первоти же ѣздят о Великом заговение, къ своему буту. Их туто Иерусалимъ, а бесерменскыи <i>Мякъка</i>, а по-русьскы Ерусалимъ, а по-индѣйскыи Порват. А съезжаются всѣ наги, только на гузне плат; а жонки всѣ наги, толко на гузне фота, а иные ф фотах, да на шеях жемчюгу много, да яхонтов, да на руках обручи да <i>перстѣни</i> златы. Олло оакъ! А внутрь к бутхану ѣздят на волѣх, да у вола рога окованы мѣдию, да на шеи у него триста колоколцов, да копыта подкованы мѣдию. А тѣ волы аччеи зовут.</p>	<p>В Парват, к своему буту, ездят на Великий пост. Тут их Иерусалим; что для бесермен Мекка, для русских — Иерусалим, то для индусов Парват. И съезжаются все нагие, только повязка на бедрах, и женщины все нагие, только фата на бедрах, а другие все в фатах, да на шее жемчугу много, да яхонтов, да на руках браслеты и перстни золотые. <i>Ей-Богу!</i> А внутрь, к бутхане, едут на быках, рога у каждого быка окованы медью, да на шее триста колокольцев и копыта медью подкованы. И быков они называют ачче.</p>
48	<p>Индѣяне же вола зовут отцем, а корову материю. А <i>каломъ их</i> пекут хлѣбы и ѣству варят собѣ, а попелом тѣмъ мажут ся по лицу, и по челу, и по</p>	<p>Индусы быка называют отцом, а корову — матерью. На помете их пекут хлеб и кушанья варят, той золой знаки на лице, на лбу и по всему телу делают. В воскресенье и в</p>

	<p>всему тѣлу знамя. В недѣлю же да в понедѣльник едят однова днем. В Ындѣя же какѣпа чектуръ а учюсьдеръ: секишь илирсень ики жител,[68] акичаны ила атарсын алты жетел беръ; булара достуръ. А куль коравашъ учюзь чяр фуна хубъ, бем фуна хубѣсия; капъкара амьчюкъ кичи хошь.</p>	<p>понедельник едят они один раз на дню. В Индии же гулящих женщин много, и потому они дешевые: если имеешь с ней тесную связь, дай два жителя; хочешь свои деньги на ветер пустить – дай шесть жителей. Так в сих, местах заведено. А рабыни-наложницы дешевы: 4 фуны – хороша, 5 фун – хороша и черна; черная-пречерная амьчюкъ маленькая, хороша.</p>
	<p>[68] ...жител... – Житель – медная монета.</p>	
<p>49</p>	<p>От Первати же приѣхал есми в Бедеръ, за пятнадцать день до бесерменьскаго улу багря.[69] А Великаго дни и въскресения Христова не вѣдаю, а по примѣтам гадаю Великъ день бывает християньскы первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни. А со мною нѣт ничего, никоея книги; а книги есмя взяли с собою с Руси, ино коли мя пограбили, ини и ихъ взяли, а яз забыл вѣры крестьяньские все. Праздники крестьянские, ни Велика дни, ни Рожества Христова <i>не вѣдаю, ни среды, ни пятницы</i> не знаю; а промежу есми вѣр таньгрыдан истрѣмень ол сакласын: «Олло худо, олло акъ, олло ты, <i>олло акъберъ, олло рагымъ, олло керимъ, олло рагымельло, олло каримелло, таньгресень, худосеньсень.</i> Богъ един, тѣй царь славы, творецъ небу и земли».</p>	<p>Из Парвата приехал я в Бидар за пятнадцать дней до бесерменского улу байрама. А когда Пасха, праздник Воскресения Христова, не знаю; по приметам гадаю – наступает Пасха раньше бесерменского байрама на девять или десять дней. А со мной нет ничего, ни одной книги; книги взял с собой на Руси, да когда меня пограбили, пропали книги, и не соблюсти мне обрядов веры христианской. Праздников христианских – ни Пасхи, ни Рожества Христова – не соблюдаю, по средам и пятницам не пощусь. И, живя среди иноверных, <i>молю я Бога, пусть он сохранит меня: «Господи Боже, Боже истинный, ты Бог, Бог великий, Бог милосердный, Бог милостивый, всемилостивейший и всемилосерднейший ты, Господи Боже. Бог един, то царь славы, творец неба и земли».</i></p>
	<p>[69] ...до бесерменьскаго улу багря. – Улу байрам – великий праздник, то же, что курбан байрам (праздник жертвоприношения) – один из главных праздников в исламе, отмечается 10–13 числа месяца зу-ль-хиджжа по мусульманскому лунному календарю, соотношение которого с солнечным календарем меняется ежегодно. Далее Никитин указывает, что праздник состоялся в середине мая; это позволяет установить год – 1472 г.</p>	
<p>50</p>	<p>А иду я на Русь, кѣтъмышьтыр имень, урусъ тутътым. Мѣсяць мартъ прошел, и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не</p>	<p>А иду я на Русь <i>с думой: погибла вера моя, постился я бесерменским постом.</i> Месяц март прошел, начал я пост с бесерменами в воскресенье,</p>

	<p>Ѡль и ничего скоромнаго, никакие Ѡствы бесерменские, а Ѡль есми по двожды на день хлѠбъ да воду, авратыйля ятмадым. Да молился есми Христу Вседръжителю, кто сотворил небо и землю, а иного есми не призывал никоторого именемъ, Богъ олло, Богъ керим, Богъ рагимъ, Богъ <i>худо</i>, Богъ акъберъ, Богъ царь славы, олло варенно, олло рагимельно сеньсень олло ты.</p>	<p>постился месяц, ни мяса не ел, ничего скоромного, никакой еды бесерменской не принимал, а ел хлеб да воду два раза на дню, с женщиной не ложился я. И молился я Христу Вседержителю, кто сотворил небо и землю, а иного Бога именем не призывал. <i>Господи Боже, Бог милостивый, Бог милосердный, Бог Господь, Бог великий, Бог царь славы, Бог зиждитель, Бог всемилостивейший, – это все ты, о Господи.</i></p>
51	<p>А от Гурмыза итти морем до Галат 10 дни, а от Галаты до ДѠгу шесть дни, а от ДѠга до Мошката 6 дни, а от Мошката[70] до Кучъзрята 10 дни, а от Кучъзрята до Камбата 4 дни, а от Камбата до Чивилия 12 дни, а от Чювила до Дабыля 6 дни. И Дабыло же есть пристанище в Гундустану послѠднее бесерменьству. А от Дабыля до Келекота 25 дни, а от Келекота до Силяна 15 дни, а от Силяна до Шаибата мѠсяць итти, а от Шаибата до Певгу 20 дни, а от Певгу до Чини да до Мачина мѠсяць итти, морем все то хождение. А от Чини до Китаа итти сухом 6 мѠсяць, а морем 4 дни итти, арасть хода чотъмъ.</p>	<p>От Ормуза морем идти до Калхата десять дней, а от Калхата до Дега шесть дней, и от Дега до Маската шесть дней, а от Маската до Гуджарата десять дней, от Гуджарата до Камбея четыре дня, а от Камбея до Чаула двенадцать дней, и от Чаула до Дабхола шесть дней. Дабхол же в Индостане пристань последняя бесерменская. А от Дабхола до Кожикоду двадцать пять дней пути, а от Кожикоду до Цейлона пятнадцать дней, а от Цейлона до Шабата месяц идти, а от Шабата до Пегу двадцать дней, а от Пегу до Южного Китая месяц идти – морем весь тот путь. А от Южного Китая до Северного идти сухим путем шесть месяцев, а морем четыре дня идти. <i>Да устройт мне Господь крышу над головой.</i></p>
	<p>[70] ...а от Мошката... – По-видимому, вставка летописца; эти слова противоречат указанному времени пути; в Троицком списке они отсутствуют.</p>	
52	<p>Гурмыз же есть пристанище велико, всего свѠта люди в нем бывают, всякий товар в нем есть, что во всем свѠте родится, то в Гурмызе есть все. Тамга же велика, десятое съ всего емлют.</p>	<p>Ормуз – пристань большая, со всего света люди тут бывают, всякий товар тут есть; что в целом свете родится, то в Ормузе все есть. Пошлина же большая: со всякого товара десятую часть берут.</p>

53	<p>Камбаят же пристанище Индийскому морю всему, а товаръ в нем все дѣлают алачи, да пестреди,[71] да киндяки, да чинят краску нил, да родится в нем лекъ да ахикъ да лон.</p>	<p>Камбей — пристань всего Индийского моря. Делают тут на продажу алачи да пестряди, да киндяки, да делают тут краску синюю, да родится тут лак, да сердолик, да соль.</p>
<p>[71] ...алачи, да пестреди... — Алача — ткань из шелковых и бумажных нитей; пестрядь — хлопчатобумажное полотно.</p>		
54	<p>Дабыло же есть пристанище велми велико, а приводят кони из Мисюря, изо Арабъстани, <i>изъ Хоросани, ис Туркустани, из Негостани</i>, да ходят сухом мѣсяць до Бедери да до Кельбергу.</p>	<p>Дабхол — тоже пристань весьма большая, привозят сюда коней из Египта, из Аравии, из Хорасана, из Туркестана, из Бендер-Ормуза; отсюда ходят сухим путем до Бидара и до Гулбарги мѣсяц.</p>
55	<p>А Келекот же есть пристанище Индѣйскаго моря всего. А пройти его не дай Бог никакому костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перец, да зеньзебил, да цвѣт, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье <i>да адряк</i>,[72] <i>да всякого коренья</i> в нем родится много. Да все в немъ дешево. Да кул да калавашь писааръ хубъ сия.</p>	<p>И Кожикодде — пристань всего Индийского моря. Пройти мимо нее не дай Бог никакому судну: кто ее пропустит, тот дальше по морю благополучно не пройдет. А родится там перец, да имбирь, да цветы муската, да орех мускатный, да каланфур — корица, да гвоздика, коренья пряные, да адряк, да всякого коренья родится там много. И все тут дешево. <i>А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные.</i></p>
<p>[72] ...да адряк... — Адрак (перс.) — вид имбири.</p>		
56	<p>А Силянъ же есть пристанище Индѣйскаго моря немало, а в немъ лежит баба Адамъ на горѣ на висоцѣ. Да около еѣ родится камение драгое, да червыцы, да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада.[73] Да слоны родятся, да продают ихъ в локот,[74] да девякуши продают в вѣс.</p>	<p>А Цейлон — пристань немалая на Индийском море, и там на горе высокой лежит праотец Адам. А около горы добывают драгоценные камни: рубины, да фатисы, да агаты, да бинчаи, да хрусталь, да сумбаду. Слоны там рождаются, и цену им по росту дают, а гвоздику на вес продают.</p>
<p>[73] ...да фатисы, да бабугури, да бинчаи, да хрусталь, да сумбада. — Фатис — камень, употреблявшийся на изготовление пуговиц; бабугури (перс.) — агат; бинчаи — вероятно, банавша (перс.) — гранат; хрусталь — возможно, берилл; сумбада — корунд.</p>		

	[74] ...в локот... — Локоть — древнерусская мера длины, равная 38—47 см.	
57	<p>А Шабатское пристанище[75] Индѣйскаго моря велми велико. А хоросанцем дают алафу по тѣнке на день,[76] и великому и малому. А кто в нем женится хоросанецъ, и князь шабатскый дает по тысячи тенекъ на жертву, да алафу дает на всякый мѣсяць по пятидесяти тенекъ. Да родится в Шабате шолкъ, да сандалъ, да жемчюгъ, да все дешево.</p>	<p>А Шабатская пристань на Индийском море весьма большая. Хорасанцам платят там жалованье по тенке на день и большому, и малому. А женится хоросанец, ему князь шабатский дает тысячу тенек на жертву да жалованья каждый месяц по пятьдесят тенек дает. А в Шабате родится шелк, да сандал, да жемчуг, — и все дешево.</p>
	<p>[75] ...Шабатское пристанище... — Полагают, что это либо Бенгалия, либо страна Чамба в Индокитае.</p> <p>[76] ...по тѣнке на день... — Танка — серебряная монета; в разных местностях разного достоинства.</p>	
58	<p>А в Пегу же есть пристанище немало. Да все в нем дербыши живут индийскыи, да родятся в нем камение драгое, маникъ, да яхут, да кирпук,[77] а продают же каменье деръбыши.</p>	<p>А Пегу тоже пристань немалая. Живут там индийские дервиши, а родятся там драгоценные камни: маник, да яхонт, да кирпук, и продают те камни дервиши.</p>
	<p>[77] ...маникъ, да яхут, да кирпук... — Мани (санскр.) — рубин; яхут (арабск.) — яхонт, чаще сапфир (синий яхонт), реже рубин (лал); кирпук (искаж. карбункул) — рубин.</p>	
59	<p>А Чинское же да Мачинское пристанище велми велико, да дѣлают в нем чини, да продают же чини в вѣс, а дешево. А жены их с мужи своими спят в день, а ночи жены их ходят спати к гарипом да спят с гарипы, да дают имъ алафу, да приносят с собою ѣству сахарную да вино сахарное, да кормят да поят гостей, чтобы еѣ любил, а любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ,</p>	<p>Китайская же пристань весьма велика. Делают там фарфор и продают его на вес, дешево. А жены их со своими мужьями спят днем, а ночью ходят к приезжим чужестранцам да спят с ними, и дают они чужестранцам деньги на содержание, да приносят с собой кушанья сладкие, да вино сладкое, да кормят и поят купцов, чтобы их любили, а любят купцов, людей белых, потому что люди их страны очень черны. А зачнет жена от купца дитя, то купцу деньги на содержание муж дает. А родится дитя белое, тогда купцу платят триста тенек, а черное дитя родится,</p>

	а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пиль да ѣль, то ему халяль.	тогда купцу ничего не платят, а что пил, да ел, то даром по их обычаю.
60	Шаибат же от Бедеря 3 мѣсяцы, а от Дабыля до Шабата 2 мѣсяца морем итти, Мачим да Чим от Бедеря 4 мѣсяцы морем итти, а там же дѣлают чими, да все дешево. А от Силяна 2 мѣсяца итти морем, а до Келекота мѣсяць итти.	Шабат же от Бидара в трех месяцах пути; а от Дабхола до Шабата — два месяца морем идти, а до Южного Китая от Бидара четыре месяца морем идти, делают там фарфор, да все дешево. А до Цейлона идти морем два месяца, а до Кожикоде месяц идти.
61	В Шаибате же родится шолкъ, да инчи, да жемчуг, да сандалъ; слоны же продают в локот. В Силяне же родится аммоны, [78] да червыцы, да фатисы, да хрусталь, да бабугури. В Лекоте же родится перец, да мошкат, да гвоздники, да фуфал, да цвѣт. В Кузряте же родится краска да лукъ, да в Камбояти родится ахикъ.	В Шабате же родится шелк, да инчи — жемчуг скатный, да сандал; слонам цену по росту дают. На Цейлоне рождаются аммоны, да рубины, да фатисы, да хрусталь, да агаты. В Кожикоде родится перец, да мускатный орех, да гвоздика, да плод фуфал, да цветы муската. В Гуджарате родится краска да лак, а в Камбее — сердолик.
	[78] ...родится аммоны... — Аммон — драгоценный камень, возможно алмаз.	
62	Во Рачюре же родится алмаз бир кона да новъ кона же алмаз. Продают почку по пяти рублей, [79] а доброго по десяти рублей, <i>новаго же</i> почка алмазу пѣнечъче кени, сия же чара — шеше кѣнь, а сипит екъ тенка. Алмаз родится в горѣ каменной а продают же ту гору каменую локот по двѣ тысячи фунтов златых новаго алмаза, а кона алмазу продають в локот по десяти тысяч фунтовъ златых. А земля же таа Меликѣханова, а холопъ салтанов. А от Бедеря 30 ковов.	В Райчуре же рождаются алмазы <i>старой копи и новой копи</i> . Алмаз продают по пять рублей почка, а очень хорошего — по десять рублей. Почка алмаза новой копи <i>по пять кени, черного — по четыре — шесть кени, а белого алмаза — одна тенка</i> . Алмазы рождаются в горе каменной, и платят за локоть той горы каменной: новой копи — по две тысячи фунтов золотых, а старой копи — по десять тысяч фунтов. А землей той владеет Мелик-хан, султану служит. А от Бидара тридцать ковов.
	[79] Продают почку по пяти рублей... — Почка — мера веса для драгоценных камней («тяжелая» — одна двадцатая и «легкая» — одна двадцать пятая золотника, соответственно: 0.21 г и 0.17 г).	

63	<p>А сыто жидове зовут Шабат своими жидовы, а то лжут; а шаибатене не жидова, ни бесермена, ни крестьяне, иная вѣра индийскаа, ни с худы, ни з бесермены ни пият, ни ядят, а мяса никакова не ядят. Да в Шабате же все дешево. А родится шолкъ да сахар, велми дешев. Да по лѣсу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам людей дерут; ино у них ночи по дорогам не смѣют ѣздити обезьянъ дѣля да мамон дѣля.</p>	<p>А что евреи говорят, что жители Шабата их веры, то неправда: они не евреи, не бесермены, не христиане, иная у них вера, индийская, ни с иудеями, ни с бесерменами не пьют, не едят и мяса никакого не едят. Все в Шабате дешево. Родится там шелк да сахар, и все очень дешево. По лесу у них мамоны ходят да обезьяны, да по дорогам на людей нападают, так что из-за мамонов да обезьян у них ночью по дорогам ездить не смеют.</p>
64	<p>От Шабата же 10 мѣсяць сухом итти, а морем 4 мѣсяцы аукыиков.[80] А у оленей кормленных рѣжут пупки, а в нем мускус родится; а дикие олени пупки из собя роняют <i>по полю и по лѣсу</i>, ино ис тѣх воня выходит, да и съ <i>лъсть</i> тот не свѣж.</p>	<p>От Шабата посуху десять месяцев идти, а морем — четыре месяца аукыиков. У оленей домашних режут пупки — в них мускус родится, а дикие олени пупки роняют по полю и по лесу, но запах они теряют, да и мускус тот несвежий бывает.</p>
<p>[80] ...аукыиков (в Троицком списке: ауковы) — текст неясен. Предполагают указание на а) тип кораблей (арабск. — гунук); б) расстояние.</p>		
65	<p>Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере[81] в бесерменском в Гундустанѣ, а бесермена баграм взяли в середу мѣсяца;[82] а заговѣл есми мѣсяца априля 1 день. О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже</p>	<p>Месяца мая в первый день отметил я Пасху в Индостане, в Бидаре бесерменском, а бесермены праздновали байрам в середине месяца; а поститься я начал месяца апреля в первый день. О благоверные христиане русские! Кто по многим землям плавает, тот во многие беды попадает и веру христианскую теряет. Я же, рабище Божий Афанасий, исстрадался по вере христианской. Уже прошло четыре Великих поста и четыре Пасхи прошли, а я, грешный, не знаю, когда Пасха или пост, ни Рожества Христова не соблюдаю, ни других праздников, ни среды, ни пятницы не соблюдаю: книг у меня нет. Когда меня пограбили, книги у меня взяли. И я от многих бед пошел в Индию, потому что на Русь</p>

	<p>ми на Русь поити нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару[83] в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре крестьяньской.</p>	<p>мне идти было не с чем, не осталось у меня никакого товара. Первую Пасху праздновал я в Каине, а другую Пасху в Чапакуре в Мазандаранской земле, третью Пасху — в Ормузе, четвертую Пасху в Индии, среди бесермен, в Бидаре, и тут много печалился по вере христианской.</p>
	<p>[81] Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере... — Четвертую Пасху за пределами Руси Никитин отметил не в положенный срок; Пасха не бывает позже 25 апреля (по юлианскому календарю).</p> <p>[82] ...а бесермена баграм взяли в среду мѣсяца... — Курбан байрам в 1472 г. приходился на 19 мая.</p> <p>[83] Первый же Велик день взял есми в Каинѣ, а другый Велик день въ Чебокару... — Относительно этого места высказаны предположения, что Каин либо искаженное название какого-то пункта в Закавказье, либо Наин в Иране; но Никитин посетил Наин после Чапакура, в таком случае следует, что первую за пределами Руси Пасху Никитин встретил в Чапакуре, а вторую — в Наине.</p>	
66	<p>Бесерменин же Меликѣ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати. Аз же ему рекох: «Господине! Ты намаз каларьсень, мен да намаз <i>киларьмень</i>; ты бешь намазъ кыларьсиз, мен да 3 каларемени; <i>мень гарипъ</i>, а сень инчай». Он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися, а крестьянства не знаешь». Азъ же во многыя в помышления впадох, и рекох в себѣ: «Горе мнѣ, окаянному, яко от пути истиннаго заблудихся и пути не знаю, уже камо поиду. Господи Боже Вседержителю, творецъ небу и земли! Не отврати лица от рабища твоего, яко въ скорби есмь. Господи! Призри на мя и помилуй мя, яко твое есмь создание; не отврати мя, Господи, от пути истиннаго, настави мя, Господи, на путь правый, яко никоея же добродѣтели в нужи тѣй не сътворих тобѣ, Господи Боже мой, яко дни своя преплых во злѣ все. Господи мой, олло переводигерь, олло ты, карим олло, рагим олло, карим олло, рагимелло; ахамдулимо. Уже проидоша Великия дни четьре в бесерменской землѣ, а</p>	<p>Бесерменин же Мелик сильно понуждал меня принять веру бесерменскую. Я же ему сказал: «Господин! Ты молитву <i>совершаешь</i> и я также молитву <i>совершаю</i>. Ты молитву <i>пять раз совершаешь</i>, я — <i>три раза</i>. Я — <i>чужестранец</i>, а ты — <i>здешний</i>». Он же мне говорит: «Истинно видно, что ты не бесерменин, но и христианских обычаев не соблюдаешь». И я сильно задумался, и сказал себе: «Горе мне, окаянному, с пути истинного сбился и не знаю уже, по какому пути поиду. Господи, Боже Вседержитель, творец неба и земли! Не отврати лица от рабища твоего, ибо в скорби пребываю. Господи! Призри меня и помилуй меня, ибо я создание твое; не дай, Господи, свернуть мне с пути истинного, наставь меня, Господи, на путь правый, ибо в нужде не был я добродетелен перед тобой, Господи Боже мой, все дни свои во зле прожил. Господь мой, <i>Бог покровитель, ты, Боже, Господи милостивый, Господь милосердный, милостивый и милосердный. Хвала</i></p>

	<p>крестьянства не оставих. Дале Богъ вѣдает, что будет. Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой».</p>	<p><i>Богу.</i> Уже прошло четыре Пасхи, как я в бесерменской земле, а христианства я не оставил. Далее Бог ведает, что будет. Господи Боже мой, на тебя уповал, спаси меня, Господи Боже мой».</p>
67	<p>В Ындѣ же бесерменской, в Великом Бедерѣ, смотрел есми на Великую ночь на Великий день Волосыны да Кола в зорю вошли, а Лось главою стоит на восток.</p>	<p>В Бидаре Великом, в бесерменской Индии, в Великую ночь на Великий день смотрел я, как Плеяды и Орион в зарю вошли, а Большая Медведица головою стояла на восток.</p>
68	<p>На багрям на бесерменской выѣхал султан на теферич, ино с ним 20 возыров великих, да триста слонов наряженных в доспѣсах булатных да з городки, да и городки окованы. Да в городкѣх по 6 человекѣ в доспѣсах, да и с пушками да и с пищальми, а на великом слоне по 12 человекѣ. Да на всяком по два проборца великих, да к зубом повязаны великие мечи по кентарю, да к рылу привязаны великия желѣзныя гири.[84] Да человекѣ сидит в доспѣсе промежу ушей, да крюк у него желѣзной великой, да тѣм его правят. Да коней простых тысяща в <i>снасть хъ</i> златых,[85] да верблюдов сто с нагарами, да трубников 300, да плясцов 300, да ковры 300. Да на салтане кафтан весь саженяхонты, да на шапке чичьяк олмаз великий, да саадак[86] золот съяхонты, да три сабли на нем золотом окованы, да седло золото, да снасть золота, да все золото. Да пред ним скачет кафаръ пѣшь да играет теремцомъ,[87] да за ним пѣших много. Да за ним благой слонъ идет, а весь в камкѣ наряженъ, да обивает люди, да чѣпъ у него желѣзна велика во рте, да обивает</p>	<p>На байрам бесерменский совершил султан торжественный выезд: с ним двадцать везиров великих выехало да триста слонов, наряженных в булатные доспехи, с башенками, да и башенки окованы. В башенках по шесть человек в доспехах с пушками и пищальми, а на больших слонах по двенадцать человек. И на каждом слоне по два знамени больших, а к бивням привязаны большие мечи весом по кентарю, а на шее — огромные железные гири. А между ушей сидит человек в доспехах с большим железным крюком — им слона направляет. Да тысяча коней верховых в золотой сбруе, да сто верблюдов с барабанами, да трубачей триста, да плясунов триста, да триста наложниц. На султане кафтан весьяхонтами унизан, да шапка-пишак с огромным алмазом, да саадак золотой сяхонтами, да три сабли на нем все в золоте, да седло золотое, да сбруя золотая, все в золоте. Перед ним кафир бежит вприпрыжку, теремцом поводит, а за ним пеших много. Позади идет злой слон, весь в камку наряжен, людей отгоняет, большая железная цепь у него в хоботе, отгоняет ею коней и людей,</p>

	кони и люди, кто бы на салтана не наступил блиско.	чтоб к султану не подступали блиско.
	<p>[84] ...да к рылу привязаны великыа желѣзныа гири. — Никитин принял за гири большие колокольцы, которые вешали на шею слону.</p> <p>[85] Да коней простых тысяща в снастѣхъ златых... — При выезде знатных особ было принято выводить верховых лошадей в полном конском уборе, демонстрируя богатство и знатность владельца.</p> <p>[86] Саадак — набор вооружения: лук в чехле и колчан со стрелами.</p> <p>[87] ...играет теремцомъ... — Имеется в виду парадный зонтик чхатра (инд.), символ власти.</p>	
69	И брат султанов, а тот седит на кровати на золотой, да над ним терем оксамитен, да маковица золота съ яхонты, да несут его 20 человекъ.	А брат султана сидит на золотых носилках, над ним балдахин бархатный, а маковка — золотая с яхонтами, и несут его двадцать человек.
70	А махтумъ[88] седит на кровати же на золотой, да над ним терем шидян с маковицею золотою, да везут его на 4-х конех в снастехъ златых. Да около его людей многое множество, да пред нимъ певцы, да плясцов много; да всѣ з голыми мечи, да с саблями, да с щиты, да с сулицами, да с копии, да с луки с прямыми с великими. Да кони всѣ в доспѣсех, да саадаки на них. А иныи наги всѣ, одно платище на гузне, сором завѣшен.	А махдум сидит на золотых же носилках, а балдахин над ним шелковый с золотой маковкой, и везут его четыре коня в золотой сбруе. Да около него людей великое множество, да перед ним певцы идут и плясунов много; и все с обнаженными мечами да саблями, со щитами, дротиками да копьями, с прямыми луками большими. И кони все в доспехах, с саадаками. А остальные люди нагие все, только повязка на бедрах, срам прикрыт.
	[88] ...махтумъ... — Махдум (арабск.) — господин. Почетный титул, который великий везир Махмуд Гаван получил в мае 1472 г. после взятия Гоа.	
71	В Бедере же мѣсяць стоит три дни полонъ. В Бедере же сладкаго овощу нѣт. В Гундустани же силнаго вару нѣт. Силен варъ в Гурмызе да в Кытобагряим, гдѣ ся жемчюг родит, да в Жидѣ, да в Бакъ, да в Мисюръ, да в Оръобъстани, да в Ларѣ. А в Хорасанской землѣ варно, да не таково. А в Чеготани велми варно. В Ширязи, да въ Езди, да в Кашины	В Бидаре луна полная стоит три дня. В Бидаре сладкаго овоща нет. В Индостане большой жары нет. Очень жарко в Ормузе и на Бахрейне, где жемчуг рождается, да в Джидде, да в Баку, да в Египте, да в Аравии, да в Ларе. А в Хорасанской земле жарко, да не так. Очень жарко в Чаготае. В Ширазе, да в Йезде, да в Кашане жарко, но там ветер бывает. А в Гиляне очень душно и парит

	варно, да вѣтръ бывает. А в Гилии душно велми да парище лихо, да в Шамахѣ парь лих; да в Вавилоне варно, <i>да в Хумить, да в Шамъ варно</i> , а в <i>Ляпъ</i> не так варно.	сильно, да в Шамахе парит сильно; в Багдаде жарко, да в Хумсе и в Дамаске жарко, а в Халебе не так жарко.
72	А в Севастий губѣ да в <i>Гурзыньской</i> землѣ добро обилно всѣм. Да Турская земля обилна велми. Да в Волоской землѣ обилно и дешево <i>все съѣстное</i> . Да и Подолская земля обилна всѣм. А Русь ерь тангрыд сакласын; олло сакла, <i>худо сакла!</i> Бу даниада муну кибить ерь <i>ектурь</i> ; нечикъ Урус ери бегляри[89] акой тугиль: Урусъ ерь абоданъ болсынъ; растъ кам дареть. Олло, худо, Богъ, данъиры.	В Сивасской округе и в Грузинской земле всего в изобилии. И Турецкая земля всем обильна. И Молдавская земля обильна, и дешево там все съѣстное. Да и Подольская земля всем обильна. А Русь <i>Бог да сохранит!</i> Боже, <i>сохрани ее!</i> Господи, <i>храни ее!</i> На этом свете нет страны, подобной ей, хотя эмиры Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость! Боже, Боже, Боже, Боже!
	[89] ...бегляри. — Беги (тюрк., ч. от бег, бей) — представители феодальной знати (арабск. синоним — эмир).	
73	Господи Боже мой! На тя уповах, спасти мя, Господи! Пути не знаю, иже камо поиду из Гундустана: на Гурмыз пойти, а из Гурмыза на Хоросан пути нѣту, ни на Чеготай пути нѣту, ни в Бодату пути нѣт, ни на Катабогряим пути нѣту, ни на Ездъ пути нѣт, ни на Рабостан пути нѣт. <i>То</i> вездѣ <i>булгакъ</i> стал; князей вездѣ выбил. Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ,[90] а султан Мусяитя окормыли,[91] а Узуосанбекъ на Ширязе сѣлъ, и земля ся не окрепила, а Едигерь Махмет,[92] а тот к нему не ѣдет, блюдется. А иного пути нѣт никуды. А на Мякку итти, ино стати в вѣру бесерменскую. Занеже крестьяне не ходят на Мякку <i>въры дѣля, что ставить в вѣру</i> . А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, занеже у них все дорого: один есми человекъ, ино по полутретья алтына на харчу	Господи, Боже мой! На тебя уповал, спаси меня, Господи! Пути не знаю — куда идти мне из Индостана: на Ормуз пойти — из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чаготай пути нет, ни в Багдад пути нет, ни на Бахрейн пути нет, ни на Йезд пути нет, ни в Аравию пути нет. Повсюду усобица князей повыбивала. Мирзу Джехан-шаха убил Узун Хасан-бек, а султана Абу-Саида отравили, Узун Хасан-бек Шираз подчинил, да та земля его не признала, а Мухаммед Ядигар к нему не едет: опасается. А иного пути нет. На Мекку пойти — значит принять веру бесерменскую. Потому, веры ради, христиане и не ходят в Мекку: там в бесерменскую веру обращают. А в Индостане жить — значит издержаться совсем, потому что тут у них все дорого: один я человек, а на харч по два с

	идет на день, а вина есми не пивал, ни сыты.	половиной алтына в день идет, хотя ни вина я не пивал, ни сыты.
	<p>[90] Яишу мырзу убил Узоасанбѣгъ... — Джеханшах Кара-Коюнлу, правивший в Иране и ряде соседних областей, был убит в ноябре 1467 г. в сражении с войсками своего соперника Узуна Хасана Ак-Коюнлу.</p> <p>[91] ...а султан Мусяитя окормыли... — Султан Абу-Саид, правивший в Средней Азии, вторгся в Закавказье. Окруженный войсками Узуна Хасана и его союзника Фаррух Ясара попал в плен и в феврале 1469 г. был казнен.</p> <p>[92] ...а Едигерь Махмет... — Мухаммед Ядигар — соперник Абу-Саида, временно захвативший власть после его гибели.</p>	
74	Меликѣтучар два города взял индийских,[93] что разбивали по морю Индийскому. А князей поималъ семь да казну их взял, юкъ яхонтов, да юкъ алмазу да кирпуков, да сто юков товару дорогово, а иного товару безчислено рать взяла. А стоял под городом два года,[94] а рати с ним двѣсте тысячъ, да слоновъ сто, да 300 верблюдов.	Мелик-ат-туджар взял два города индийских, что разбойничали на Индийском море. Семь князей захватил да казну их взял: выюк яхонтов, выюк алмазов, да рубинов, да дорогих товаров сто выюков, а иных товаров его рать без числа взяла. Под городом стоял он два года, и рати с ним было двести тысяч, да сто слонов, да триста верблюдов.
	<p>[93] ...два города взял индийских... — Согласно индийским хроникам во время войны 1469–1472 гг. были взяты два прибрежных города Сангамешвар и Гоа; последний, как видно из переписки Махмуда Гавана, был занят 1 февраля 1472 г.</p> <p>[94] ...стоял под городом два года... — Речь идет об осаде крепости Келна во время той же войны.</p>	
75	Меликѣтучар пришел с ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-русскому на Петров день. И султанъ послал 10 возыревъ стрѣтити его за 10 ковов, а в ковѣ по 10 версть, а со всяким возырем по 10 тысяч рати своей да по 10 слоновъ в доспѣсах.	В Бидар мелик-ат-туджар вернулся со своею ратью на курбан байрам, а по-нашему — на Петров день. И султан послал десять везиров встретить его за десять ковов, а в кове — десять верст, и с каждым везиром послал по десять тысяч своей рати да по десять слонов в доспехах.
76	А у меликѣтучара на всяк день садятся за софрею по пятисот человекѣк. А с ним садятся три возыри за его скатертию, а с возырем по 50 человекѣк, а его 100 человекѣк бояринов вшеретных. У меликѣтучара на конюшне коней 2000, да 1000	У мелик-ат-туджара садится за трапезу каждый день по пятьсот человек. С ним вместе за трапезу садятся три везира, и с каждым везиром по пятьдесят человек, да еще сто его бояр ближних. На конюшне у мелик-ат-туджара две

	<p>осѣдланных и день и ночь стоят готовы, да 100 слонов на конюшне. Да на всякую ночь двор его стерегут сто человекъ в доспѣсах, да 20 трубников, да 10 нагаръ, да 10 бубнов великих — по два человекъ бьют.</p>	<p>тысячи коней да тысячу коней оседланными день и ночь держат наготове, да сто слонов на конюшне. И каждую ночь дворец его охраняют сто человек в доспехах, да двадцать трубачей, да десять человек с барабанами, да десять бубнов больших — бьют в каждый по два человека.</p>
77	<p>Мызамылкъ, да Мекхан, да Хафаратхан, а тѣ взяли три города великие.[95] А с ними рати своей 100 тысяч человекъ да 50 слонов. А тѣ взял бесчислено яхонтов да камни всякого драгаго много <i>множество</i>. А все то камение, да яхонты, да алмаз купили на меликтучара, заповѣдал дѣлярем <i>пришли</i>[96] что гостем не продавати, а тѣ пришли о Оспожинѣ дни к Бедеру граду.</p>	<p>Низам-ал-мульк, Мелик-хан да Фатхулла-хан взяли три города больших. А рати с ними было сто тысяч человек да пятьдесят слонов. И захватили они яхонтов без числа, да других драгоценных камней множество. И все те камни, да яхонты, да алмазы скупили от имени мелик-ат-туджара, и он запретил мастерам продавать их купцам, что пришли в Бидар на Успенье.</p>
	<p>[95] ...взяли три города великие. — Согласно индийским хроникам во время похода в Телингану в 1471 — 1472 гг. были заняты три важные крепости — Варангал, Кондапалли, Раджамандри. Войсками командовал Малик Хасан, носивший титул низам-ал-мульк. [96] ...пришли... — Ошибка переписчика: в Летописном изводе — пришие; в следующей фразе содержится правильно написанное слово «пришли».</p>	
78	<p>Султан выѣзжает на потѣху в четвергъ да во вторникъ, да три с ним возыри выезжают. А брат выезжает султанов в понедѣльник с матерью да с сестрою. А жонок двѣ тысячи выезжает на конех да на кроватех на золоченых, да коней пред ними простых <i>сто</i> в доспѣсах золотых. Да пѣших с нею много велми, да два возыря, да 10 возореней, да 50 слонов в пополах сукняных. Да по 4 человекъ на слонѣ сидит нагих, одно платище на гузне. Да жонки пѣшие наги, а тѣ воду за ними носят пити да подмыватися, а одинъ у одного воды не пьет.</p>	<p>Султан выезжает на прогулку в четверг и во вторник, и с ним выезжают три везира. Брат султана совершает выезд в понедельник с матерью да с сестрой. И женок две тысячи выезжает на конях да на носилках золоченых, да перед ними ведут сто верховых коней в золотых доспехах. Да пеших множество, да два везира и десять везирыней, да пятьдесят слонов в суконных пополах. А на слонах сидит по четыре человека нагих, только повязка на бедрах. И пешие женки наги, носят они за ними воду — пить и умываться, но один у другого воды не пьет.</p>

79	<p>Меликътучар выехалъ воевати <i>индьян</i> с ратию своею из града Бедеря на память шиха Аладина, а по-русскому на Покров святыя Богородица, а рати вышло с ним 50 тысящъ, а султан послал рати своей 50 тысящъ, да три с ними возыри пошли, а с ними 30 тысящъ. Да сто слонов с ними пошло з городки да в dospъсех да на всяком слонѣ по 4 человекы с пищалми. Меликътучар пошел воевати Чюнедара великое княжение индийское.</p>	<p>Мелик-ат-туджар со своей ратью выступил из города Бидара против индусов в день памяти шейха Алаеддина, а по-нашему — на Покров святой Богородицы, и рати с ним вышло пятьдесят тысяч, да султан послал своей рати пятьдесят тысяч, да пошли с ними три везира и с ними еще тридцать тысяч воинов. И пошли с ними сто слонов в dospехах и с башенками, а на каждом слоне по четыре человека с пищальями. Мелик-ат-туджар пошел завоевывать Виджаянагар — великое княжество индийское.</p>
80	<p>А у бинедарьскаго князя[97] 300 слонов да сто тысяч рати своей, а коней 50 тысяч у него.</p>	<p>А у князя виджаянагарскаго триста слонов да сто тысяч рати, а коней у него — пятьдесят тысяч.</p>
	<p>[97] ...у бинедарьскаго князя... — Вирупакша II, махараджа Виджаянагара, правил в 1465—1485 гг. Далее Никитин называет его «индийский авдоном» и «индийский султан кадам».</p>	
81	<p>Султан выѣхал из града Бедеря восьмой мѣсяць по Велице дни.[98] Да с нимъ возыревѣ выехало 26 возыревѣ; 20 возыревѣ бесерменских, а 6 возыревѣ индийских. А с султаном двора его выѣхало сто тысяч рати своей конных людей, а двѣсте тысяч пѣших, да 300 слонов з городки да в dospъсех, да сто лютых звѣрей на двою чепѣхъ.</p>	<p>Султан выступил из города Бидара на восьмой месяц после Пасхи. С ним выехало двадцать шесть везиров — двадцать бесерменских везиров и шесть везиров индийских. Выступили с султаном двора его рати сто тысяч конных людей, двести тысяч пеших, триста слонов в dospехах и с башенками да сто лютых зверей на двойных цепях.</p>
	<p>[98] Султан выѣхал из града Бедеря восьмой мѣсяць по Велице дни. — Султан Мухаммед III, как устанавливается из переписки Махмуда Гавана, выступил в поход на Белгаон 15 марта 1473 г.</p>	
82	<p>А з братом салтановымъ вышло двора его 100 тысячь конных, да 100 тысяч пѣших людей, да 100 слонов наряженных в dospъсех.</p>	<p>А с братом султана вышло двора его сто тысяч конных, да сто тысяч пеших, да сто слонов в dospехах.</p>
83	<p>А за Малханом вышло двора его 20 тысяч конныхъ, а пѣших 60 тысяч, да</p>	<p>А с Мал-ханом вышло двора его двадцать тысяч конных, шестьдесят</p>

	<p>20 слонов наряженных. А з Бездерханом вышло 30 тысяч конных, да и з братом, да пѣших сто тысяч, да слонов 25 наряженных с городки. А с Сулханом вышло двора его 10 тысяч конных:, а пѣших 20 тысяч, да 10 слонов з городки. А с Возырханом вышло 15 тысяч конных; людей, да пѣших 30 тысяч, да 15 слоновъ наряженных. А с Кутувалханом вышло двора его 15 тысяч конных, да пѣших 40 тысяч, да 10 слонов. А со всяким возырем по 10 тысяч, а с ыным 15 тысяч конных, а пѣших 20 тысяч.</p>	<p>тысяч пеших, да двадцать слонов в доспехах. А с Бедер-ханом и его братом вышло тридцать тысяч конных, да пеших сто тысяч, да двадцать пять слонов, в доспехах и с башенками. А с Сул-ханом вышло двора его десять тысяч конных, да двадцать тысяч пеших, да десять слонов с башенками. А с Везир-ханом вышло пятнадцать тысяч конных людей, да тридцать тысяч пеших, да пятнадцать слонов в доспехах. А с Кутувал-ханом вышло двора его пятнадцать тысяч конных, да сорок тысяч пеших, да десять слонов. А с каждым везиром вышло по десять тысяч, а с некоторыми и по пятнадцать тысяч конных, а пеших — по двадцать тысяч.</p>
84	<p>А с ындѣйским авдономом вышло рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣшихъ людей сто тысяч, да 40 слоновъ наряженных в доспѣсах, да по 4 человекы на них с пицалми.</p>	<p>С князем виджаянагарским вышло рати его сорок тысяч конных, а пеших сто тысяч да сорок слонов, в доспехи наряженных, и на них по четыре человека с пицалями.</p>
85	<p>А с султаном вышло возырев 26, а со всякимъ возырем по десяти тысяч рати своей, а пѣшихъ 20 тысяч, а с ыным возырем 15 тысяч конных людей и пѣших 30 тысяч. А индѣйские 4 возыри великих, а с ними рати своей 40 тысяч конных людей, а пѣших сто тысяч. И султан ополѣлся на индѣян, что мало <i>вышло</i> с ним, и он еще прибавилъ 20 тысяч пѣших людей, <i>два</i> тысячи конных людей, да 20 слонов. Такова сила султanova индѣйскаго бесерменьскаго. <i>Мамет дени иариа. А растъ дени худо донот</i> — а правую вѣру Богъ вѣдает. А праваа вѣра Бога единого знати, и имя его призывати на всяком мѣсте. чисте чисто.[99]</p>	<p>А с султаном вышло двадцать шесть везиров, и с каждым везиром по десять тысяч конной рати, да пеших по двадцать тысяч, а с иным визиром по пятнадцать тысяч конных людей и по тридцать тысяч пеших. А великих индийских везиров четыре, а с ними вышло конной рати сорок тысяч да сто тысяч пеших. И разгневался султан на индусов, что мало людей с ними вышло, и прибавили еще пеших двадцать тысяч, да две тысячи конных, да двадцать слонов. Такова сила султана индийскаго, <i>бесерменскаго. Мухаммедова вера годится.</i> А раст дени худо донот — а правую веру Бог ведает. А правая вера — единого</p>

		Бога знать и имя его во всяком месте чистом в чистоте призывать.
	[99] ...а правую вѣру Богъ вѣдает. А праваа вѣра Бога единого знати, и имя его призывать на всяком мѣсте чисте чисто. — Это высказывание Афанасия Никитина, непосредственно примыкающее к написанной по-персидски фразе: «А Мухаммедова вера годится», свидетельствует о своеобразии его мировоззрения. Оно не может быть сведено к простой идее веротерпимости: слова «Бог ведает» в другом месте у Никитина означают неуверенность — «дале Богъ вѣдает, что будет». Никитин считает обязательным свойством «правой веры» только единобожие и моральную чистоту. В этом отношении его мировоззрение сближается со взглядами русских еретиков конца XV в., утверждавших, что «приятным Богу» может стать представитель любого «языка», лишь бы он «творил правду».	
86	В пятый же Велик день възмыслих ся на Русь. Идох из Бедеря града за мѣсяць до улу багряма[100] бесерменьскаго <i>Мамет дени розсулял</i> . А Велика дни крестьянскаго не вѣдаю Христова възскресения, а говѣйно же ихъ говѣх з бесермены, и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери[101] от Бедери 10 ковов.	На пятую Пасху решился я на Русь идти. Вышел из Бидара за месяц до бесерменского улу байрама <i>по вере Мухаммеда, посланника божья</i> . А когда Пасха, Воскресение Христово, — не знаю, постился с бесерменами в их пост, с ними и разговелся, а Пасху отметил в Гулбарге, от Бидара в десяти ковах.
	[100] ...за мѣсяць до улу багряма... — В 1473 г. начало этого праздника приходилось на 8 мая. [101] ...и розговѣхся с ними, и Велик день взял в Кельбери... — Следовательно, шестую Пасху Никитин отметил в мае, т. е. не в срок, так же как и предыдущую.	
87	Султан пришел да меликѣтучарѣ с ратию своею 15 <i>день</i> по улѣ багрямѣ, а в Келбергу. А война ся имѣ не удала, один город взяли индийской,[102] а людей их много изгибло, и казны много истеряли.	Султан пришел в Гулбаргу с мелик-ат-туджаром и с ратью своей на пятнадцатый день после улу байрама. Война им не удалась — один город взяли индийский, а людей много у них погибло и казны много поистратили.
	[102] ...один город взяли индийской... — Город Белгаон, осада и взятие которого в 1473 г. подробно описаны в индийских хрониках.	
88	А индийскый же салтан кадам велми силен, и рати у него много. А сидит в горѣ в Бичинѣгѣрѣ, а град же его велми велик. Около его три ровы, да сквозѣ его река течет. А с одну страну его женѣгѣль злый, а з другую страну пришел долѣ, и чюдна мѣста велми <i>и</i> угодна <i>на</i> все. На ону же	А индийскый великий князь могуществен, и рати у него много. Крепость его на горе, и стольный город его Виджаянагар очень велик. Три рва у города, да река через него течет. По одну сторону города густые джунгли, а с другой стороны долина подходит — удивительное

	<p>страну приитти нѣкуды, сквозѣ градодрога, а града же взяти нѣкуды, пришла гора велика да деберь златикень. Под городом же стояла рать мѣсяць,[103] и люди померли безводни, да голов велми много изгибло з голоду да с безводицы. А на воду смотрит, а взяти нѣкуды.</p>	<p>место, для всего пригодное. Та сторона не проходима — путь через город идет; ни с какой стороны город не взятъ: гора там огромная да чащоба злая, колючая. Стояла рать под городом месяц, и люди гибли от жажды, и очень много людей поумирало от голода да от жажды. Смотрели на воду, да не подойти к ней.</p>
	<p>[103] Под городом же стояла рать мѣсяць... — Речь идет о неудачной осаде города Виджая-нагар.</p>	
89	<p>А град же взял индийской меликъчанъ хозя, а взял его силою, день и ночь бился з городомъ 20 дни, рать ни пила, ни ѣла, под городом стояла с пушками. А рати его изгибло пять тысяч люду добраго. А город взял, ини высѣкли 20 тысяч поголовья мужскаго и женскаго, а 20 тысяч полону взял великаго и малаго. А продавали голову полону по 10 тенекъ, а <i>иную по 5 тенекъ</i>, а робята по две тенки. А казны же не было ничего. А болшаго города не взял.</p>	<p>Ходжа мелик-ат-туджар взял другой город индийский, силою взял, день и ночь бился с городом, двадцать дней рать ни пила, ни ела, под городом с пушками стояла. И рати его погибло пять тысяч лучших воинов. А взял город — вырезали двадцать тысяч мужского полу и женского, а двадцать тысяч — и взрослых, и малых — в плен взяли. Продавали пленных по десять тенек за голову, а иных и по пять, а детей — по две тенки. Казны же совсем не взяли. И стольного города он не взял.</p>
90	<p>А отъ Кельбергу поидох до Кулури. А в Кулури же родится ахикъ, и ту его дѣлают, на весь свѣт оттуду его розвозят. А в Курили же алмазников триста <i>сулях микунът</i>. И ту же бых пять мѣсяць, а оттуду же поидох Калики. Ту же бозар велми великъ. А оттуду поидох Конаберга, а от Канаберга поидох к шиху Аладину. А от шиха Аладина поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури,[104] а от Сури поидох к Дабыли — пристанище Индийскаго моря.</p>	<p>Из Гулбарги пошел я в Каллур. В Каллуре родится сердолик, и тут его обрабатывают, и отсюда по всему свету развозят. В Каллуре триста алмазников живут, <i>оружье украшают</i>. Пробыл я тут пять месяцев и пошел оттуда в Коилконду. Там базар очень большой. А оттуда пошел в Гулбаргу, а из Гулбарги к Аланду. А от Аланда пошел в Амендрие, а из Амендрие — к Нарясу, а из Наряса — в Сури, а из Сури пошел к Дабхолу — пристани моря Индийского.</p>

	[104] ...поидох ко Аменьдрие, и от Камендрия к Нярясу, и от Кинаряса к Сури... — Неясно, о каких именно городах между Аландом и Дабхолм говорит путешественник.	
91	<p>Дабил же есть град велми велик, а к тому же Дабыли а съѣзжается вся поморья Индийская и Ефиопская. Ту же и окаянный аз рабище Афонасей Бога вышняго, творца небу и земли, възмыслихся по вѣре по крестьяньской, и по крещении Христовѣ, и по говѣйнех святых отець устроеных, по заповедех апостольских и устремихся умом поитти на Русь. И внидох <i>же в таву</i>, и зговорих о <i>налонѣ</i> корабленем, а от своеа главы два златых до Гурмыза града <i>дати</i>. Внидох же в корабль из Дабыля града до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна.[105]</p>	<p>Большой город Дабхол — съезжаются сюда и с Индийского и с Эфиопского поморья. Тут я, окаянный Афанасий, рабище Бога вышняго, творца неба и земли, призадумался о вере христианской, и о Христовом крещении, о постах, святыми отцами устроенных, о заповедях апостольских и устремился мыслию на Русь пойти. Возшел в таву и сговорился о плате корабельной — со своей головы до Ормуза-града два золотых дал. Отплыл я на корабле из Дабхола-града на бесерменский пост, за три месяца до Пасхи.</p>
	[105] ...до Велика дни за три мѣсяцы бесерменьскаго говѣйна. — Никитин указывает здесь на соотношение в данном году двух переходящих дат мусульманского и православного календаря. В 1474 г. начало поста Рамазан приходилось на 20 января, а Пасха на 10 апреля.	
92	<p>Идох же в тавѣ по морю мѣсяць, а не видѣх ничего. На другой же мѣсяць увидѣх горы Ефиопскыя, ту же людие вси воскричаша: «Олло переводигер, олло конѣкар, бизим баши мудна насинь больмышьти», а по-рускии языком молвят: «Боже осподарю, Боже, Боже вышний, царю небесный, здѣ нам судил еси погибнути!»</p>	<p>Плыл я в таве по морю целый месяц, не видя ничего. А на другой месяц увидел горы Эфиопские, и все люди вскричали: «<i>Олло переводигер, олло конѣкар, бизим баши мудна насинь больмышьти</i>», а по-русски это значит: «Боже, Господи, Боже, Боже вышний, царь небесный, здесь нам судил ты погибнуть!»</p>
93	<p>В той же землѣ Ефиопской бых пять дни. Божию благодатию зло ся не учинило. Много раздаша брынцу, да перцу, да хлѣбы ефиопом, ини судна не пограбили.</p>	<p>В той земле Эфиопской были мы пять дней. Божией милостью зла не случилось. Много раздали рису, да перцу, да хлеба эфиопам. И они судна не пограбили.</p>
94	<p>А оттудова же идох 12 дни до Мошката. В Мошкате же шестой Велик день взял. И поидох до Гурмыза 9 дни, и в Гурмызе бых 20 дни. Из Гурмыза поидох к Лари, и в Лари бых три дни.</p>	<p>А оттуда шли двенадцать дней до Маската. В Маскате встретил я шестую Пасху. До Ормуза плыл девять дней, да в Ормузе был двадцать дней. А из Ормуза пошел в</p>

	<p>Из Лари поидох к Ширязи 12 дни, а в Ширязе бых 7 дни. И из Ширяза поидох к Вергу 15 дни, а в Велергу бых 10 дни. А из Вергу поидох къ Езди 9 дни, а въ Езди бых 8 дни. А изъ Езди поидох къ <i>Спагани</i> 5 дни, а въ <i>Спагани</i> 6 дни. А ис <i>Пагани</i> поидох Кашины, а в Кашины бых 5 дни. А ис Кашина поидох к Куму, а ис Кума поидох в Саву. А из Сава поидох к Султаню, а из Султания поидох до Тервизя, а ис <i>Тервиза</i> поидох в оръду Асанбѣгъ. В ордѣ же бых 10 дни, ано пути нѣт никуды. А на турскаго[106] послал рати двора своего 40 тысяч. Ини Севастъ взяли, а Тохат взяли да пожгли, Амасию взяли, и много пограбили сел, да пошли на караманского[107] воюючи.</p>	<p>Лар, и в Ларе был три дня. От Лара до Ширази шел двенадцать дней, а в Ширазе был семь дней. Из Ширази пошел в Эберку, пятнадцать дней шел, и в Эберку был десять дней. Из Эберку до Йезда шел девять дней, и в Йезде был восемь дней, а из Йезда пошел в Исфахан, пять дней шел, и в Исфахане был шесть дней. А из Исфахана пошел в Кашан, да в Кашане был пять дней. А из Кашана пошел в Кум, а из Кума — в Савэ. А из Савэ пошел в Сольтание, а из Сольтание шел до Тебриза, а из Тебриза пошел в ставку Узун Хасанбека. В ставке его был десять дней, потому что пути никуда не было. Узун Хасанбек на турецкого султана послал двора своего сорок тысяч рати. Они Сивас взяли. А Токат взяли да пожгли, и Амасию взяли, да много сел пограбили и пошли войной на караманского правителя.</p>
	<p>[106] А на турскаго... — Турецкий султан Мехмед II правил в 1451 – 1481 гг.</p> <p>[107] ...на караманского... — Власть в Карамане в эти годы несколько раз переходила из рук в руки. Наместником султана был Мустафа, сын Мехмеда II. Наследственным правителем Карамана был Пир Ахмед (ум. в 1474 г.), союзник Узуна Хасана.</p>	
95	<p>И яз из орды пошел ко Арцыцану, а из Орцыцана пошел есми в Трепизон.</p>	<p>А из ставки Узун Хасанбека пошел я в Эрзинджан, а из Эрзинджана пошел в Трабзон.</p>
96	<p>В Трепизон же приидох на Покров святя Богородица и приснодѣвы Мариа, и бых же въ Трапизоне 5 дни. И на корабль приидох и сговорил о налонѣ — дати золотой от своеа главы до Кафы; а золотой есми взял на харчъ, а дати в Кафѣ.</p>	<p>В Трабзон же пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии и был в Трабзоне пять дней. Пришел на корабль и сговорился о плате — со своей головы золотой дать до Кафы, а на харч взял я золотой в долг — в Кафе отдать.</p>
97	<p>А в Трапизоне ми же шубаш да паша[108] много зла учиниша. Хлам мой весь к себѣ възнесли в город на</p>	<p>И в том Трабзоне субаши и паша много зла мне причинили. Добро мое все велели принести к себе в</p>

	<p>гору, да обыскали все — что мѣлочь добренкая, ини выграбили все. А обыскивают грамот, что есми пришол из орды Асанбега.</p>	<p>крепость, на гору, да обыскали все. И что было мелочи хорошей — все выграбили. А искали грамоты, потому что шел я из ставки Узун Хасан-бека.</p>
	<p>[108] ...шубаш да паша... — Су-баши — начальник охраны города; паша — наместник султана.</p>	
98	<p>Божиею милостию приидох до третьяго моря <i>Чернаго</i>, а парсийскимъ языкомъ дория Стимбольскаа. Идох же по морю вѣтром 10 дни, доидох до Вонады, и ту нас срѣтили великий вѣтръ полунощный, възврати нас къ Трапизону, и стояли есмя в Платанѣ 15 дний, вѣтру велику и злу бывшу. Ис Платаны есмя пошли на море <i>двожды</i>, и вѣтръ нас стрѣчает злый, не дасть нам по морю ходити. Олло акъ, олло худо переводигерь! Развие бо того иного Бога не знаю.</p>	<p>Божией милостью дошел я до третьего моря — Черного, что поперсидски дарья Стамбульская. С попутным ветром шли морем десять дней и дошли до Боны, и тут встретил нас сильный ветер северный и погнал корабль назад к Трабзону. Из-за ветра сильного, встречного, стояли мы пятнадцать дней в Платане. Из Платаны выходили в море дважды, но ветер дул нам навстречу злой, не давал по морю идти. <i>Боже истинный, Боже покровитель!</i> Кроме него — иного Бога не знаю.</p>
99	<p>И море же проидохъ, да занесе насъ със къ Баликаеѣ, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговѣνια. Олло переводигерь!</p>	<p>Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. Бог творец!</p>
100	<p>И море же проидохъ, <i>да занесе насъ</i> със къ Баликаеѣ, а оттудова к Токорзову, и ту стояли есмя 5 дни. Божиею милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговѣνια. Олло переводигерь!</p>	<p>Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста. Бог творец!</p>
101	<p>Милостию Божиею преидох же три моря. Дигерь худо доно, олло переводигерь дано. Аминь! Смилна рахамм рагим. Олло акъбирь, акши худо, илелло акшь ходо. Иса рухоало, ааликъсолом. Олло акъберь. А илягаиля илелло. Олло переводигерь.</p>	<p>Милостию Божией прошел я три моря. <i>Остальное Бог знает, Бог покровитель ведает. Аминь! Во имя Господа милостивого, милосердного. Господь велик, Боже благой, Господи благой. Иисус дух Божий, мир тебе. Бог велик. Нет Бога, кроме Господа. Господь</i></p>

<p>Ахамду лилло, шукур худо афатад. Бисмилнаги размам прагим. Хуво могу лези, ля лясайля гуя алимуль гяйби ва шагадити. Хуя рахману рагиму, хубо могу лязи. Ля иляга <i>иль ляхуя</i>. <i>Альмелику, алакудосу, асалому, альмумину, альмугамину, альазизу, алчебару, альмутаканъбиру, алхалику, альбарую, альмусавиру, алькафару, алькальхару, альвазаху, альрязаку, альфатагу, альалиму, алькабизу, альбасуту, альхафизу, алльравую, алмавизу, алмузилу, альсемилу, албасиру, альакаму, альадюлю, алятуфу.</i></p>	<p><i>промыслитель. Хвала Господу, благодарение Богу всепобеждающему. Во имя Бога милостивого, милосердного. Он Бог, кроме которого нет Бога, знающий все тайное и явное. Он милостивый, милосердный. Он не имеет себе подобных. Нет Бога, кроме Господа. Он царь, святость, мир, хранитель, оценивающий добро и зло, всемогущий, исцеляющий, возвеличивающий, творец, создатель, изобразитель, он разрешитель грехов, каратель, разрешающий все затруднения, питающий, победоносный, всеведущий, карающий, исправляющий, сохраняющий, возвышающий, прощающий, низвергающий, всеслышающий, всевидящий, правый, справедливый, благой.</i></p>
<p>«Хождение за три моря» тверского купца XV в. Афанасия Никитина — бесспорно, один из наиболее замечательных памятников древнерусской литературы. Важнейшей особенностью этого памятника следует считать его совершенно неофициальный характер — это записки русского человека, попавшего на чужбину, не имевшие определенного адресата. Мы ничего не знаем об Афанасии Никитине, кроме сведений, содержащихся в «Хождении», и заметки, предшествующей ему в летописной редакции. Как может быть установлено по этим источникам, путешествие Никитина происходило в 1468—1475 гг., незадолго до присоединения Твери к Московскому государству; умер он около 1475 г., не дойдя до Смоленска. Нет оснований считать Афанасия Никитина особенно предприимчивым купцом, сознательно стремившимся в Индию; не был он и дипломатом. Товары, с которыми он отправился в путь, предназначались, очевидно, для продажи на Кавказе. В Индию он пошел «от многия беды», после того как был ограблен в низовьях Волги. Единственным товаром, который он доставил в Индию, был кушленный по дороге и проданный с большим трудом конь. Путевые записки Никитина были, в сущности, дневником, только без разбивки на даты. Он предполагал, конечно, что его дневник прочтут на родине (именно поэтому он записывал наиболее сомнительные с официальной точки зрения разделы по-тюркски и персидски), но не приспособлял его к этикетным нормам, характерным для церковной и официальной светской литературы того времени. Своей непосредственностью и конкретностью «Хождение» напоминало рассказ Иннокентия о последних днях жизни Пафнутия Боровского. Личностный характер рассказа Никитина, способность его автора раскрыть читателю свой внутренний мир — этими чертами «Хождение» перекликается с величайшим памятником древнерусской литературы, созданным два века спустя, — «Житием» протопопа Аввакума.</p>	

«Хождение за три моря» дошло до нас в трех изводах, или редакциях. Один из них содержится в составе Софийской второй и Львовской летописей, восходящих к своду 1518 г., отражавшему, в свою очередь, более ранний летописный свод 80-х г. XV в.; второй входит в сборник конца XV – начала XVI в. из Музейного собрания РГБ (принадлежавший ранее Троицкому монастырю и именуемый поэтому обычно Троицким); третья редакция, входящая в состав поздней летописно-хронографической компиляции, относится уже к XVII в. Отрывки из «Хождения» читаются также в сборнике конца XV в. – РГБ, ф. 178. № 3271 (л. 35 об.). Нет оснований видеть в этих изводах различные авторские редакции – вероятнее предположить, что они возникли при переписке памятника.

В настоящем издании мы публикуем текст «Хождения за три моря» по Эттерову списку Львовской летописи (РНБ, Р.IV. 144, лл. 442 об. – 458 об.) с исправлением по Архивскому списку Софийской второй летописи (РГАДА, ф. 181, № 371/821, лл. 193 – 220 об.) и Троицкому списку (РГБ, ф. 178, № 8665, лл. 369 – 392 об.).

Два больших пропуска в летописном изводе («...всѣх в Дербентъ доброволно... Гурмызь есть на островѣ, а ежедень...», «Приидох же в Бедерь... а виденье обезьянино») восполнены по Троицкому списку (вставки эти, в отличие от более мелких, не отмечены в тексте курсивом).

[Оригинал](#)